

Владимир Фетисов

МЯТЕЖНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Лавр Корнилов - разведчик, исследователь, дипломат, полководец

Мятежный генерал

Лавр Корнилов - разведчик, исследователь, дипломат, полководец.

Вместо предисловия

“Жаркое утро 31 марта было безоблачно. От зазеленевшей земли поднимались волны испарений. Лениво в крутых берегах текли мутно-желтые воды Кубани, нарушаемые лишь плеском рыбы. Было тихо. Лишь изредка хлопал выстрел да бухала вдалеке пушка, посвистывая, пронеслась граната. Люди отдыхали, чтобы назавтра начать новый кровавый бой.

Подпоручик Долинский курил на крыльце дома. Думал: "Помыть бы рубашку, кальсоны, носки... Хорошо бы искупаться". Даже птица какая-то залетная весело посвистывала в роще. Долинский поднял голову. Фюить - ширкнула граната прямо в зеленую рощу. С железным скрежетом разорвалась. Птичка больше не пела. Долинский бросил окурки в глупую курицу, непонятно как не попавшую в суп, вздохнул, вернулся в дом, сел у двери, но сейчас же вскочил и вошел в полутемную комнату. Корнилов стоял у стола, подтягивая брюки.

- Что, чай еще не готов? - спросил он тихо.

- Через минуту будет готов, ваше высокопревосходительство, я распорядился.

Корнилов сел к столу, положил на него локти, поднес сухонькую ладонь ко лбу, потер морщины.

- Что-то я вам хотел сказать, подпоручик... Вот не вспомню, просто беда...

Долинский, ожидая, что он скажет, нагнулся над столом. Все это было так непохоже на главнокомандующего - тихий голос, растерянность, - что ему стало страшно.

Корнилов повторил:

- Просто беда... Вспомню, конечно, вы не уходите... Сейчас глядел в окно - утро превосходное - Да, вот что...

Он замолчал и поднял голову, прислушиваясь. Теперь и Долинский различал приближающийся, надрывающий вой гранаты, казалось - прямо в занавешенное окно.

Долинский попятился. Страшно треснуло над головой. Рвануло воздух. Сверкнуло пламя. По комнате метнулось снизу-вверх растопыренное тело главнокомандующего...

Долинского выбросило в окно. Он сидел на траве, весь белый от известки, с трясущимися губами. К нему побежали...

У тела Корнилова, лежавшего на носилках и до половины прикрытого буркой, возился на корточках доктор. Поодаль стояли кучкой штабные, и ближе их к носилкам - Деникин, - в неловко надетой широкополой фуражке.

Минуту назад Корнилов еще дышал. На теле его не было видимых повреждений, только небольшая царапина на виске. Доктор был невзрачный человек, но в эту минуту он понимал, что все взгляды обращены на него, и, хотя ему было ясно, что все уже кончено, - он продолжал со значительным видом осматривать тело. Не торопясь, встал, поправил очки и покачал головой, как бы говоря: "К сожалению, здесь медицина бессильна".

К нему подошел Деникин, проговорил придушенно:

- Скажите же что-нибудь утешительное.

- Беснадежен!

- Доктор развел руками.

- Конец".

Это отрывок из классического романа Алексея Толстого "Хождение по мукам". Эпизод гибели командующего Добровольческой армией генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

В советское время роман входил в обязательную программу средней школы за восьмой, по моему, класс. Имя генерала Корнилова упоминалось и в школьном учебнике истории.

Упоминалось с неизменно отрицательными эпитетами – "кровавый генерал", "контрреволюционер", "несостоявшийся Бонапарт". И совсем ничего не писалось, и не говорилось в то время о его выдающихся заслугах, как исследователя, учёного, дипломата, разведчика, полководца. Лишь спустя многие годы мы узнали подлинный масштаб этой неординарной личности. О выдающемся исследователе, учёном-востоковеде, разведчике, дипломате, военачальнике, Лавре Георгиевиче Корнилове, мы и попытаемся рассказать в этой книге.

Глава первая

Начало славных дел...

18 августа 1870 года, в сибирском городке Усть-Каменогорске, в небольшом домике на берегу Иртыша, где проживал с семьёй служивый казак Георгий (Егор) Корнилов, родился первенец. На свет он появился слабым и хилым, и родители поспешили окрестить младенца, - вдруг не выживет. Назвали Лавром. Отец нашего героя служил хорунжим в Сибирском казачьем войске, а мать, которую звали Мария Ивановна была, по разным сведениям, то ли казашкой, то ли киргизской из кочевого рода, обитавшего на левом берегу Иртыша. Будущий маршал СССР Борис Михайлович Шапошников, служивший в 1903 году в Ташкенте с младшим братом Лавра Георгиевича Петром, вспоминал, что тот рассказывал ему об отце и матери. "Петр Корнилов из юнкерского училища, - пишет Шапошников в воспоминаниях, - брат небезызвестного впоследствии генерала Корнилова, был назначен в 4-ю роту. Родители Корниловых, по рассказу младшего Корнилова, жили в Западной Сибири. Отец – русский – занимал должность переводчика при уездном начальнике, мать же была простая киргизка. Отсюда и монгольский тип лица, который унаследовали дети". Здесь, нужно иметь в виду, что в дореволюционной России киргизами называли казахов. Впрочем, это не суть важно. Кровь матери сильно сказалась на внешности будущего полководца, что очень помогло ему в будущей деятельности разведчика.

Полу-казак, полу-казак,
Истёрты стремяна,

И в узко-пристальных глазах —
Пустынная страна.

Напишет спустя десятилетия о Корнилове поэт Михаил Синельников.

Детские годы Лаврика, как звали его в семье, прошли в станице Каркалинская. Здесь, в возрасте 9 лет, он поступает в приходскую школу, где детей учили чтению, письму, литературе, основам географии и конечно закону Божьему.

В 1881 году хорунжий Корнилов, вместе с семьёй, перебирается к новому месту службы – городок Зайсан на русско-китайской границе. С самого раннего детства Лаврик мечтает быть военным и, когда ему исполняется 13 лет, он, вместе с отцом, отправляется в дальний путь, - в город Омск, где находился Сибирский кадетский корпус.

На Лавра, никогда ранее не бывавшего в больших городах, Омск произвёл ошеломляющее впечатление. Широкие, мощёные улицы, городской сад, величественный Свято-Николаевский собор и, конечно само здание Кадетского корпуса, вытянувшееся на целый квартал.

Однако, времени на экскурсии по городу не было. Уже на следующий день начались вступительные экзамены. Лавр шёл на них, страшно волнуясь. Он прекрасно понимал – ему тяжело будет соревноваться с получившими блестящее образование детьми офицеров и дворян. Результат действительно оказался неважным. Но была в этом мальчике такая скрытая харизма, такая тяга к знаниям и незаурядная внутренняя сила, которую не могли не заметить экзаменаторы. И, 13 сентября 1883 года, Лавр Корнилов, становится кадетом начального класса Сибирского кадетского корпуса.

Кадет Л. Корнилов

С первых же дней учёбы Корнилов становится лучшим учеником класса и остаётся им на всём протяжении пятилетнего обучения. Каждому выпускнику корпуса давалась аттестация и вот, что написал, характеризуя Корнилова, директор училища генерал Пороховщиков: “Развит, способности хорошие, в классе внимателен и заботлив, очень прилежен. Любит чтение и музыку... Скромнен, правдив, послушен, очень бережлив, в манерах угловат. К старшим почтителен, товарищами очень любим, с прислугою обходителен. Трудлюбив и постоянно с охотой помогает товарищам в занятиях и оказывает на них доброе влияние. Серьёзен. Послушен и строго исполнитель. К порядкам и правилам, установленным в заведении, относится с полным вниманием. К родным относится с любовью и часто пишет им письма.”

Во время обучения у Лавра проявился ещё один талант – филологический. В седьмом классе он переводит с французского на русский популярный в то время роман Бернарден де Сен-Пьера “Поль и Виргиния”, а в старших классах переводит на монгольский учебник

физики. Способность Корнилова к языкам поражала его товарищей и наставников. Кроме знакомого с детства казахского, он в дальнейшем в совершенстве овладел также английским, немецким, персидским, узбекским, туркменским, киргизским и татарским языками, а общаться мог еще на добром десятке восточных языков и диалектов.

Выпускные экзамены Лавр сдал на отлично, и получил право выбрать любое высшее военное училище для дальнейшего обучения. Выбор пал на Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, куда отбирались самые способные кадеты со всех концов Российской империи.

На этот раз к экзаменам он был подготовлен прекрасно, и, 25 августа 1889 года становится юнкером в выбранном им училище.

Здание Михайловского артиллерийского училища, старинная открытка

Надо сказать, это был прекрасный выбор. Уровень образования, получаемый в Михайловском училище, был высочайшего уровня. В разное время здесь преподавали такие известные ученые, как математики Михаил Васильевич Остроградский и Пётр Павлович Лавров, химики Герман Иванович Гесс и Леон Николаевич Шишков, физики Эмилий Христианович Ленц и Аксель Вильгельмович Гадолин, механик Иван Алексеевич Вышнеградский и многие другие. И здесь Корнилов, обладавший незаурядными способностями к наукам, в особенности к математике, становится одним из лучших. Спокойный нрав, трудолюбие и скромность снискали Лавру высокое уважение товарищей. Обладая непререкаемым авторитетом, он часто выступал в роли третейского судьи при возникающих спорах среди однокашников, а если у юнкеров возникали вопросы к руководству училища, делегатом выбирали непременно Лавра.

И ещё одна черта характера. Гордый и самолюбивый Корнилов не терпел низкопоклонства, что такое честь знал не понаслышке и всегда мог за себя постоять. Однажды один из курсовых офицеров позволил себе сделать замечание Корнилову в резкой и обидной форме, на что тут же получил должный отпор. Офицер был взбешён и сделал недвусмысленное движение. Не дрогнув ни единым мускулом, внешне спокойный, Лавр молча положил руку на эфес шашки. К счастью, свидетелем этого стал начальник училища генерал Чернявский, который мгновенно прекратил намечавшийся скандал. Тем не менее, юнкеру Корнилову грозил суд и отчисление из училища. Спасло его всеобщее уважение и

признанный как товарищами, так и педагогами, талант. В характеристике по окончании училища было написано: “тих, скромн, добр, трудолюбив, послушен, исполнительн, приветлив, но вследствие недостаточной воспитанности кажется грубоватым и может показаться даже резким, что нельзя приписать его недисциплинированности. Будучи очень самолюбивым, любознательным, серьезно относится к наукам и военному делу, он обещает быть хорошим офицером. Дисциплинарных взысканий не было”.

4 августа 1892 года, за две недели до своего 22-летия, юноша окончил училище по первому разряду и надел заветные золотые погоны подпоручика, став, таким образом, личным дворянином, то есть получившим это звание за личные заслуги.

Перед Лавром Георгиевичем открывалась прекрасная служебная перспектива, но он выбирает службу в Туркестанском военном округе, поближе к родным местам и уже в сентябре 1892 года прибывает в Ташкент, где начинает службу в 5-й батарее Туркестанской артиллерийской бригады. Это было началом славных дел будущего Верховного главнокомандующего России.

Глава вторая

Туркестан

Итак, заехав на несколько к родителям, молодой офицер прибывает в столицу Туркестана. Потянулись дни, заполненные строевыми занятиями, дежурствами, смотрами. Но, отдавая должное службе, молодой офицер продолжает заниматься самообразованием, изучает языки, сам даёт уроки, подрабатывая и помогая материально родителям. Вновь пробует себя в литературе, сочиняя эпическую поэму о герое казахского эпоса, Кенесар - батыре. К сожалению, поэма так и осталась незавершённой. Занимается он и просвещением своих солдат, к которым относится отечески. И они отвечают ему тем же, чувствуя в Корнилове своего, сына простого крестьянина. И в дальнейшем, на протяжении всей военной биографии Лавра Георгиевича, солдаты его боготворили. Даже генерал Брусиллов, по какой-то причине, не любивший Корнилова, в своих воспоминаниях отдаёт ему должное: “Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчёта в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость”.

А вот, что вспоминает Антон Иванович Деникин, чьи части во время знаменитого Брусилловского прорыва наступали рядом с войсками генерала Корнилова: “С Корниловым я встретился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914, когда он принял 48 пехотную дивизию, а я — 4 стрелковую (железную) бригаду. С тех пор, в течение 4 месяцев непрерывных, славных и тяжких боев, наши части шли рядом в составе XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты, вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов, мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова — военачальника: большое умение воспитывать войска: из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось, обреченной операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, — высокое соблюдение военной этики, в отношении соседних частей и соратников, — свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части”.

В Ташкенте Лавр Георгиевич дослужился до поручика, однако сила характера, честолюбие требовали большего, не давая останавливаться на достигнутом. Через три года поручик Корнилов подаёт рапорт на поступление в Академию Генерального Штаба, но для этого нужно было сначала выдержать испытания в штабе округа.

Весной 1895 года в Ташкент, для проведения предварительного отбора в Академию, прибыли двенадцать офицеров.

Штаб Туркестанского военного округа в Ташкенте

В результате лишь пять соискателей были допущены к вступительным экзаменам в Петербурге. Среди них был и Корнилов. В июле 1895 года командующий войсками Туркестанского военного округа Александр Борисович Вревский, подписал приказ, согласно которому офицеры, прошедшие конкурс, отправлялись в столицу империи для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в Академию. Осенью того же года Лавр Георгиевич получает наивысший балл из всех поступающих, и зачисляется в первый класс.

Глава третья Академия Генерального штаба

Корнилов снял комнату в мансарде в отдалённом районе Петербурга. Жалованье, слушателя Академии, составляло 80 рублей, - не ахти какие деньги, а ведь ещё надо было помогать семье отца.

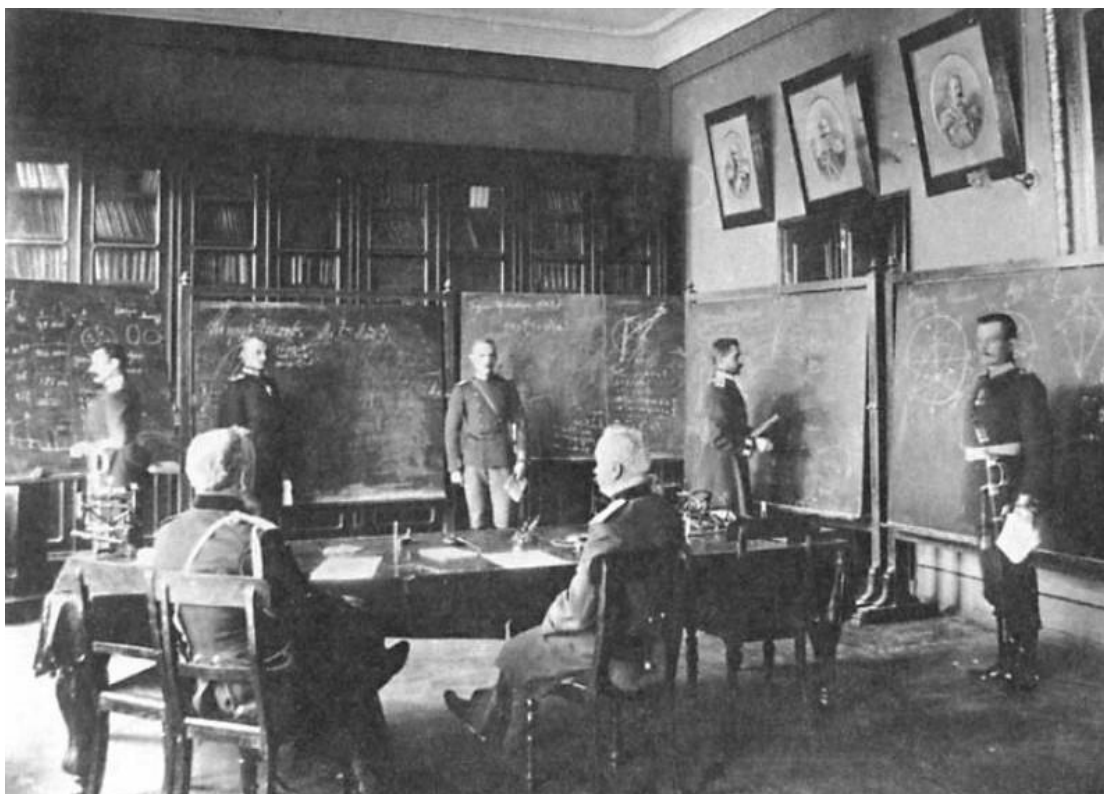
Потянулись дни учёбы - лекции, практические занятия, выезды в поле, экзамены. На общем отделении академии, где обучался Корнилов, главными предметами были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съёмкой и черчением, вспомогательными - русский язык, сведения по артиллерийской и инженерной части, политическая история, международное право и иностранные языки. И требования к слушателям были очень жёсткие.

Однокашниками Корнилова были будущие генералы российской армии, покрывшие себя впоследствии славой на полях сражений: Лукомский, Эрдели, Абрамов, Бонч-Бруевич и другие. Будущий Донской атаман Африкан Петрович Богаевский так вспоминал Корнилова времён обучения в Академии: “Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом, он был незаметен в академии и только во время экзаменов сразу выделялся блестящими успехами по всем наукам”.

Несмотря на загруженность, слушатели находили время и для развлечений. Лавр Георгиевич, несмотря на замкнутость характера, также время от времени участвовал в петербургской светской жизни. На одном из званых вечеров он знакомится с 22-х летней

Таисией Марковиной, дочерью титулярного советника. Влюбляется сразу и навсегда. Вскоре молодые люди венчаются, и уже через год у них рождается дочь Наталья. Как жила молодая семья, мы можем узнать из воспоминаний сестры Корнилова, Анны: “Жена его, хорошенькая маленькая женщина, была из большой семьи и очень скучала в Петербурге. Все свои свободные минуты брат посвящал жене и временами занимался с ней французским языком. Оба мечтали иметь большую семью. Средства их были очень ограничены. 20-го делали подсчет и, если оставались лишки, шли покупать халву – любимое лакомство Таи, и позволяли себе пойти в театр”.

В 1898 году состоялся очередной выпуск Николаевской академии Генерального штаба.

Экзамен в Академии

Список наиболее отличившихся был представлен императору для награждения. Первым в списке был штабс-капитан Туркестанской артиллерийской бригады Лавр Георгиевич Корнилов, завершивший обучение с лучшими результатами.

По сложившейся традиции имя лучшего выпускника было занесено на мраморную доску в конференц-зале Академии. В Царском Селе устраивается приём в честь новых выпускников. Император Николай II, лично поздравил каждого из выстроившихся перед ним офицеров. И здесь произошёл случай, до сих пор не разгаданный историками. Подойдя к Корнилову, государь задал несколько стандартных вопросов о его предыдущей службе. Лавр Георгиевич ответил также дежурно и обыденно. Император двинулся было дальше, но тут сопровождавший его военный министр Куропаткин, что-то шепнул ему на ухо. Царь остановился, с интересом посмотрел на Корнилова, и, больше не сказав ни слова, пошёл дальше. Не раз потом Лавр Георгиевич вспоминал этот эпизод, строя догадки, что же мог сказать о нём Куропаткин.

И вновь перед Корниловым, открывается блестящая перспектива, его “звёздный час”, он мог, как лучший, выбрать любое, самое престижное место для продолжения службы. И он выбирает... вновь Туркестан.

В октябре 1898 года капитан Корнилов с семьёй уже в Ташкенте, но там не задерживается, уже через месяц получает новое назначение, в город Термез, где дислоцируется Первая Туркестанская линейная бригада.

Глава четвёртая Дерзкий рейд в Афганистан

Легендарный командир, под чьим началом сделала свой первый боевой выстрел легендарная русская «трехлинейка», единственный русский военачальник, позволивший себе войти с войсками на территорию Британской Индии. В 1891 году он возглавлял охотничьи команды Туркестанских линейных батальонов и казаков на Алае и Памире, где очищал от афганских и китайских постов территории бывшего Кокандского ханства. В результате этих действий были арестованы британские агенты Дэвидсон и Янгхасбенд, а китайский пограничный чиновник Чань выдворен в Кашгар. Всё это вызвало широкий международный резонанс и, в конце концов, заставило английских дипломатов признать государственные границы России на Памире. Вот под начало этого славного командира и прибыл молодой выпускник Николаевской Академии.

*Генерал М.Е. Ионов, фото В. Лапре.
Журнал "Разведчик". № 104, 1892*

Термез, древняя столица Бактрии, только недавно был занят русскими войсками. На другом берегу Аму-Дарьи находился Мазари-Шариф, главный город "афганского Туркестана". Здесь, у выхода из ущелья Гинду-Куш, для прикрытия путей и перевалов в Кабул, афганцы, с помощью британских инженеров, построили крепость Дейдади. Она была сооружена по последнему слову военно-инженерной мысли и считалась неприступной. Всё это соответствовало политике "Большой игры". Англичане, таким образом, укрепляли дальние подступы к Индии.

Ионов мечтал выяснить всё, что возможно об этой крепости, в первую очередь характер воздвигнутых англичанами укреплений. Но Дейдади стояла в 50 верстах от берега, а афганцы были бдительны, и участь пойманных лазутчиков была незавидна. Однажды Михаил Ефремович посетовал на эту проблему в присутствии молодого капитана. Корнилов молча выслушал генерала, а в конце вечера попросил разрешения уехать в отпуск

на три дня по личным обстоятельствам. Ионову нравился старательный офицер, и он дал согласие. К тому времени Лавр Георгиевич сблизился с туркменами, служившими в русской армии. Он полюбил этих гордых и смелых воинов. И они отвечали ему взаимностью, прежде всего, потому, что он разговаривал с ними на их родном языке так же свободно, как и они. Забегая вперед, скажу, что неизменно, до конца жизни, генерала Корнилова охраняли туркмены-текинцы.

Лавр Георгиевич решается на дерзкий рейд к афганской крепости, для чего просит туркмен сопровождать его на ту сторону Аму-Дарьи. Туркмены согласились, но с одним условием:

- Обещай, что ты живым в плен не сдашься. Если будет неудача, мы примем мучительную смерть.

- Последнюю пулю я оставляю себе – ответил Корнилов. Живым меня не возьмут.

Не минуты не медля, он, в тот же вечер наголо обрил себе голову, переделался в туркменскую одежду и на рассвете 13 января 1898 года, маленький отряд, состоящий из трёх человек, двинулся к реке, в смертельно опасный поход.

Только в 40 верстах от Патта-Гиссара (так тогда назывался Термез) разведчики нашли подходящее место для переправы. Сделав плот из овечьих бурдюков, успешно переправились через Аму-Дарью на афганский берег у небольшого городка Чушка-Гузар. Здесь, пересели на лошадей, загодя приготовленных в ближайшем селении. Не теряя времени двинулись дальше и уже на рассвете достигли крепости. Однако, разглядеть детали укреплений в предрассветном тумане было невозможно. У самой крепостной стены заметили чайхану, где сидели караульные афганские солдаты. Лавр Георгиевич решительно повел своих спутников внутрь и приказал подать еду. Солнце уже осветило крепость, когда к ним подъехал афганский офицер, заметивший чужаков. На вопрос, - кто такие, Корнилов ответил, что они нукеры, желающие поступить на службу к эмиру Афганистана Абдурахман-хану. Офицер, удовлетворённый ответом, оставил их в покое. Опасность миновала и Корнилов со спутниками направляется к крепости, попутно отмечая в памяти каждую деталь. Ему удастся сделать пять фотоснимков и хладнокровно произвести съёмку двух дорог, ведущих к российской границе. Кроме получения чисто военной информации, Корниловым были зафиксированы последствия столкновений, происходивших около 60 лет назад, между местным населением и афганцами, что явилось весьма ценными данными для историков и исследователей Средней Азии. Вот, что впоследствии писал в своём отчёте Лавр Георгиевич: "Всюду были видны следы разрушения и запустения: развалины кишлаков, брошенных, по-видимому, недавно, городов с остатками огромных башен, стен, минаретов и зданий со следами древней высокой архитектуры тянулись на несколько верст по сторонам пути. По рассказам туркмен, всего лишь лет 60 тому назад все эти развалины представляли цветущие города и селения, обитаемые таджиками и узбеками. С появлением в долине Амударьи афганцев, Хаджа-Нахр начала пустеть, население ее, спасаясь от притеснений и поборов, стало разбегаться, и результатом полувекового господства афганцев в Чарвилаете было полное запустение некогда цветущих, огромных городов Сиягырта, Бербер-Шахара и Балха".

Дерзко, среди бела дня, проехав пятьдесят верст по неприятельской территории, разведчики, при помощи команды охотников 13-го туркестанского батальона, 15 января переправляются на свой берег.

Не теряя ни минуты, Корнилов спешит к генералу Ионову и протягивает тому фотографии и чертежи укреплений. "Это крепость Дейдади" – объясняет он потрясённому генералу.

— Господи, но ведь вы страшно рисковали, - воскликнул генерал, - ведь вас же могли посадить на кол.

— Эти сведения стоили того, — спокойно ответил Лавр Георгиевич.

Ионов тотчас отправляет в Ташкент, подробный рапорт о дерзком рейде, хлопоча о награждении капитана Корнилова орденом Святого Владимира с мечами и бантом. Командующий, однако, посмотрел иначе на несанкционированную акцию. Генерал Ионов

получает строгий выговор за то, что рисковал молодым способным офицером. Сам же Корнилов получил выговор и угрозу месяца ареста за повторение подобного.

*Корнилов (справа) и Мулла-Рузы после афганского рейда.
Фото из архива семьи Снесаревых*

Но это была официальная реакция на нарушение воинской дисциплины, другое дело, что инициативный, отважный, владеющий иностранными языками, способный к разведывательной деятельности офицер, был замечен соответствующими службами. А смелый рейд Корнилова к крепости Дейдади стал образцом для последующих операций подобного рода. Сведения же, добытые разведчиками, оказались бесценными. В руках русского командования оказались карты и снимки не только крепости Дейдади, но и планы укреплений Шор-Тепе, крепости Тахтапуль, чертежи афганских воинских казарм, места расположения крепостной артиллерии. Корнилов провел съемку дорог от переправ через пограничную реку к Дейдади, привез описание характера укреплений и анализ пропускных возможностей коммуникаций, обзор приграничной северной области Афганистана. Как вспоминал впоследствии генерал Иван Павлович Романовский (впоследствии один из ближайших сподвижников Корнилова по Добровольческой армии): “Разведка крепости Дейдади, разбиралась в войсках как пример тщательно планированной операции и прибывших на службу в Туркестан офицеров специально знакомили с этой чрезвычайно опасной экспедицией”.

Приведу письмо капитана Корнилова начальнику штаба Туркестанского военного округа генералу Н. Н. Белявскому, опубликованного в “Документах русской истории”, № 6 (60). 2002 г.

Л. Г. Корнилов — Н. Н. Белявскому.
Урочище Термез. 21 января 1899 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь Николай Николаевич.

Два с лишком месяца прожил я в Патта-Гиссаре, исполняя поручение, возложенное на меня Вашим превосходительством (*неофициально Корнилов получил задание собирать сведения об Афганском Туркестане, прим. В.Ф.*). Дело заинтересовало меня с самого начала, и я старался вести его с возможною тщательностью, насколько хватало сил и умения.

Не мне, конечно, судить — соответствуют ли полученные результаты затраченному труду и средствам, но лично меня эти результаты не удовлетворяли.

Все-таки это были лишь расспросные сведения, за достоверность которых я, даже находясь у их первоисточника, не мог ручаться. Особенно смущал меня вопрос о крепости Дейдади. О ней ходили всевозможные слухи: то ее изображали простой азиатской калой, то она являлась чуть ли не крепостью европейского характера, с фортами, батареями и проч.

Взглянуть на нее самому было слишком соблазнительно, и чем далее, тем искушение становилось все сильнее и сильнее. В конце концов, я не устоял против него.

В ночь с 12 на 13 января, переодетый туркменом, в сопровождении двух других туркмен (одного с нашего берега, другого с афганского), я переправился на гупсарах в Чушка-Гузаре и, по дороге через Даулетабад и Балх, прошел в Дейдади. На обратном пути мы осмотрели Тахтапуль, прошли близь Мазари-Шарифа и через Сиягырт вернулись к Термезу, где нас приняли на лодки охотники 13го батальона, охотившиеся на острове Арал-Пайгамбаре. Поездка сошла вполне благополучно, никаких инцидентов не было; я уверен даже, что на той стороне никто и не подозревает того, что русский офицер побывал в Дейдади. Для предупреждения же распространения слухов о моей поездке здесь, в Патта-Гиссаре, приняты надлежащие меры.

Я сознавал, Ваше превосходительство, что, решаясь на такое дело, не имея на него Вашего разрешения, я совершаю крупный проступок, но, с другой стороны, я был твердо убежден, что Ваше превосходительство соблаговолите принять во внимание побуждения, руководившие мной, и, в случае нужды, не откажите в своем заступничестве.

Что касается до результатов поездки, — они таковы: 1) осмотрено укрепление, выстроенное против Чушка-Гузара и набросан его план. 2) Сняты глазомерно в масштабе 6 вёрст в дюйме Шор-Тепе — Балх — Дейдади и Дейдади — Тахтапуль — Сиягырт до начала песков. В песках мы заблудились. 3) Набросан план Дейдади и сделаны с нее фотографические снимки, из которых один представляю при сем Вашему превосходительству. 4) Осмотрена крепость Тахтапуль. К сожалению, снимки с Тахтапуля вышли не совсем удачно и требуют некоторых дополнительных работ, которые можно произвести только в хорошей лаборатории. Все добытые во время поездки сведения приводятся мною в порядок и будут представлены Вашему превосходительству по их обработке.

Кроме того, — в моем распоряжении имеется еще один важный документ: мне удалось достать один экземпляр книги о «Джихаде» (священной войне), изданный эмиром Абдуррахман-ханом.

В виду важности документа я не решился послать его по почте, почему телеграммой от 18 января и просил разрешения Вашего превосходительства приехать в Ташкент, для личного доклада. Получив вчера предписание о командировании для осмотра границы, — я выезжаю туда завтра и вновь прошу Ваше превосходительство, в виду указанной выше причины, вызвать меня, по возвращении из Чубека, в Ташкент.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга

Капитан Корнилов.

Итак, способности молодого офицера были замечены и высоко оценены. В августе 1899 года его переводят на должность старшего адъютанта штаба Туркестанского округа в Ташкенте. Но вскоре способности Корнилова как разведчика были востребованы вновь, и он направляется на границу с Афганистаном южнее Кушки. Здесь Лавр Георгиевич работает над изучением направления на Меймань и Герат. И опять ему в этом нелёгком деле помогают верные текинцы. В это же время по приказанию командующего Туркестанского военного округа Корнилов часто выезжает в малоизученный регион Патта-Гиссар и Чубек для осмотра и уточнения пограничной полосы.

В октябре 1899 года Корнилов выезжает сначала в Ашхабад для участия в разработке оперативных мер на случай войны с Великобританией, а затем срочно отзывается в Ташкент. На него возлагается решение новой серьезной и весьма ответственной задачи. Приказом Генерального Штаба капитан Корнилов командировается в Кашгар - крупнейший город Сицзянской провинции Китайской Империи. Здесь располагалось единственное в Восточном Туркестане российское консульство, служившее, кроме всего прочего, центром русских исследований Тянь-Шаня и Памира.

Глава пятая Кашгар

В декабре 1899 года, Генерального штаба капитан Корнилов, вместе со своим помощником подпоручиком В. Е. Кирилловым и офицером связи поручиком Н. М. Бабушкиным, отправляется с исследовательской и разведывательной миссией в далёкую Кашгарию, где и встречает наступление XX века.

Должность, которую должен был занять Лавр Георгиевич, официально называлась “Офицер Генерального штаба, состоящий при Российском Императорском Генеральном консульстве в Кашгаре”.

Российское консульство в Кашгаре должно было быть открыто в соответствии со ст. 8 Пекинского дополнительного договора 1860 г. о границе и торговле в Западном Китае. Однако восстание мусульман против китайского владычества превратило Восточный Туркестан в район боевых действий, и первый русский консул смог появиться в Кашгаре лишь спустя 22 года. Им стал выдающийся дипломат, учёный и разведчик Николай Фёдорович Петровский.

Первый российский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский и здание русского консульства

Петровский чрезвычайно много сделал для усиления русского политического и торгового влияния в Кашгарии. Придавая огромное значение негласному сбору информации, им была заложена основа разведывательной деятельности с привлечением агентов из местного населения, которые действовали в Кашгарии, афганском Бадахшане и при гиндукушских княжествах. Иностранцы путешественники отмечали “всемогущее влияние” на местные власти русского консула, казавшегося подлинным властителем Кашгарии, - “кашгарским падишахом”. “В Кашгаре есть два начальника, - говорил шведскому путешественнику Свену Хедину глава местной китайской администрации (даотай) Шань, - я и русский консул”.

Кроме защиты торговых интересов России в Восточном Туркестане, Николай Фёдорович уделял внимание и политическим вопросам. С некоторыми донесениями консула знакомился лично император Александр III. Британцы же считали русского консула “одним из самых осведомленных в нюансах мировой политики людей”. Николай Фёдорович осуществлял дипломатическое прикрытие борьбы за Памир, став одним из главных соиздателей победы России в этой схватке. По горьким воспоминаниям британского консула Дж. Макартни, английское влияние в Кашгарии, в результате деятельности Петровского, сошло практически на нет. Именно при Петровском в Кашгаре стала действовать постоянная резидентура русской военной разведки, которая состояла из прикомандированных к консульству офицеров Генерального штаба. Первым таким офицером и стал капитан Л. Г. Корнилов.

Поездке капитана Корнилова в Синьцзян предшествовали события, которые, собственно, и стали причиной появления должности офицера Генштаба при консульстве в Кашгаре. Расскажем об этом чуть подробнее.

К середине 90-х годов XIX века, Британия, где кнутом, а где пряником подчинила себе пригундукушские княжества Северной Индии - Гилгит, Хунзу (Канджут и Нагор), Читрал, поставив там послушных правителей. Тем самым англичане обеспечили себе кратчайший и удобный путь из Индии в Восточный Туркестан. Руководствуясь доктриной Мак-Грегора, которую тот изложил в работе “Оборона Индии”, индо-британские власти стремились как можно дальше отодвинуть от своих границ территории находящиеся под влиянием России. С этой целью подстрекаемый британцами правитель Хунзы Мухамед Назим-хан предъявляет “исторические права” на часть китайской территории Южной Кашгарии - Раскем, Тандумбаш-Памир и часть Сарыкола. Ещё одной причиной стало обнаруженные в этих землях признаки присутствия золота. В конце октября 1897 г. в Тагдумбаш-Памире появляются два британских оазведчика - капитаны Г. Дизи и Р. Кобболд. Дизи занялся топографическими съёмками в долине р. Раскем, а Кобболд отправился под видом частного лица в Кашгар, якобы для охоты. Петровскому, имеющему агентуру на всей территории Кашгарии, становится известно о появлении англичан. Также он устанавливает, что Кобболд является политическим агентом в Гилгите (Кашмир). В одном из писем чиновнику МИДа Плансону, русский консул с возмущением пишет: “Я ещё могу понять и допустить, когда путешественник или какой-нибудь агент для каких-либо целей обманно, на свой риск и страх, проникает в страну; но если первый министр Великобритании обращается к русскому министру с просьбой о пропуске к нам «для охоты» частного, будто бы, лица, которое в действительности есть политический агент и о котором, конечно, можно найти указание в любом английском адрес-календаре, – это, по моему мнению, верх наглости. - Шпионы – продолжал Петровский, – везде есть и всегда будут, но я первый раз вижу, чтобы их посылали с таким цинизмом”.

Быстро понял русский консул и то, что англичане: “приготавливают разграничение Кашгарии с кашмирскими владениями и идут пока сзади канджутцев, подучив их требовать у китайцев земель по Раскем-Дарье”. И полетели донесения консула в МИД, Главный штаб и штаб Туркестанского военного округа. Отправляется письмо и губернатору Синьцзянской провинции, с разъяснением пагубности решения о передачи земель Хунзе. Но, как пишет З. И. Зайченко: “должно быть велико было влияние англичан, если китайский губернатор хотя и согласился вполне с доводами нашего генерального консула и был чрезвычайно признателен за любезность, но остался при своём убеждении, что при бедности канджутцев, для доставления им жизненного пропитания, он разрешил уступить им для запасек просимые земли и приказал командировать на Раскем чиновника, с целью отмежевания потребной канджутцам земли”.

В связи с возникшей угрозой, губернатор Ферганской области А. Н. Повалов-Швейковский предлагает Туркестанскому генерал-губернатору барону Вревскому вновь возбудить пограничный вопрос с Китаем, который был не вполне завершён в 1895 г., и перенести пограничную черту с Сарыкольского хребта дальше на восток. “С захватом Тагдумбаша, - пишет он в своём письме, - влиянию Англии подчинится, конечно, и весьма важный для нас в стратегическом отношении Сарыкольский округ Кашгарской провинции, что, в свою очередь, откроет англичанам свободный и вполне удобный путь через Ташкурган, Тагарму, Булункуль и далее на Кашгар[...] было бы своевременным возбудить вопрос о разграничении с Китаем, об установлении прочной постоянной линии, перенесённой временно условленную ныне граничную черту с Сарыкольского хребта, начиная от перевала Бейк, далее на восток к отрогам Мустагского хребта, что дало бы нам возможность парализовать английские происки и заслонить прямой путь из Кашмира в Кашгар”. Вревский, в свою очередь, сообщает об этом военному министру А.Н. Куропаткину. Началось противостояние. Русскими властями было аннулировано разрешение, выданное капитану Кобболду на посещение Памира. 11 июня 1898 в кишлаке Калаи-Вамар

начальником Памирского отряда капитаном Э. К. Кивекэсом англичанин был арестован. Правда, особого дискомфорта во время ареста Кобболд не испытывал. Русские приняли его достаточно тепло. Он посещал товарищеские вечеринки, охотился в окрестностях поста. Единственно, что ему было запрещено фотографировать сам пост. Но, и этот запрет был чистой формальностью. Кобболдом, в частности, был сделан замечательный групповой снимок офицеров и нижних чинов Памирского отряда. Через несколько дней, британский разведчик был вынужден вернуться в Кашгар.

Офицеры и нижние чины Памирского отряда на посту Хорог. Снимок британского майора Кобболда. Из коллекции М. К. Басханова

В августе 1898 г. Петровскому удалось получить от китайских властей разрешение установить почтовое сообщение с Памирским отрядом через Сарыкол. Это давало “полную возможность следить за положением дел в этой местности”. Для этого Петровский предлагал “посылать со стороны Памира через Сарыкол в консульство, под видом почтарей, разведчиков, и даже, если будет нужно, держать одного из них постоянно в Ташкургане (на Сарыколе)”. Консула поддержал новый туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской, сменивший барона Вревского. Он предложил Куропаткину направить в Кашгар офицера Генерального штаба. В свою очередь министр иностранных дел, во всеподданнейшей записке от 21 июля 1899г. о переговорах с китайцами по поводу территориальных приобретений на Тагдумбаш-Памире предлагал военному ведомству принять все необходимые меры “к ограждению русских интересов вблизи Сарыкола”. Император Николай II, обратив на содержание записки «серьезное внимание», отметил, что “без энергических представлений или мер”. Англия “не остановится в своих действиях”.

В Пекине посол России М.Н. Гирс 2 августа 1899 г. указал китайским властям, что Россия не оставит без внимания факт передачи территории другому государству и примет “надлежащие меры во избежание нарушения”. В ответ правительство Китая, пойдя на попятную, заверило, что Канджуту “не будет уступлено никакой территории”.

Петровский предлагает попросту занять Сарыкол и Тагдумбаш под предлогом бурного развития контрабанды и укрытия андижанских преступников. “Андижанцами” в Восточном Туркестане называли всех выходцев из Средней Азии, приезжавших с торговыми и иными целями. В ответ на запрос А.Н. Куропаткина, что нужно делать, “если англичане будут упорствовать получить Тагдумбаш”. Духовской предложил содержать при российском генеральном консульстве в Кашгаре офицера Генерального штаба для разведывательной деятельности, установить почтовое сообщение Кашгара с Ферганой и Памиром “посредством джигитов” и усилить охрану консульства. 29 сентября 1899 г. на первые два предложения было получено “соизволение” императора Николая II. Вот

благодаря чему, 19 декабря 1899 г. в Кашгар прибыл капитан Л. Г. Корнилов со специальным заданием по “сбору точных и обстоятельных сведений военно-политического характера о Кашгарии вообще и Сарыколе в частности и обо всех сопредельных с Кашгарией странах”. Особое внимание предписывалось “обратить на деятельность везде там англичан и других”. Кроме того, осуществить в течение года “подготовку и обработку материалов для составления полного военно-статистического описания страны”, в котором “особое внимание” надлежит уделить Гилгиту, как центру английского влияния в Восточном Туркестане. При этом поездки по стране Корнилов обязан был предпринимать “не иначе как с согласия” генерального консула Н.Ф. Петровского и вообще “сообразовываться” в своей деятельности с его указаниями. Таким образом начало двадцатого века Корнилов встречает в Кашгарии, в самом центре “Большой игры”, как называли противостояние между Великобританией и Россией за преобладание в Азии.

Кашгария, общее название шести городов в Восточном Туркестане, относилась в то время к Синьцзянской провинции Китайской империи. На севере она граничила с Урумчийской и Илийской областями провинции и с российской Семиреченской областью. На западе - с Ферганой, «русскими Памирами» и афганским Ваханом. На юге - с подконтрольными англичанам Канджутом, Кашмиром и китайским Тибетом, а на востоке - с Ансийским и Кунятуффанским округами той же китайской Синьцзянской провинции. Именно вот это важнейшее геостратегическое положение Кашгарии, лежавшей на пересечении древних караванных маршрутов Великого шелкового пути, и послужило причиной многолетнего англо-русского соперничества.

Должность, которую должен был занять Лавр Георгиевич, официально называлась офицер Генерального штаба при российском консульстве. Кроме негласных разведывательных задач Корнилову вменялись обязанности начальника консульского конвоя. В его подчинении находилась полусотня казаков Оренбургского казачьего полка.

Корнилов, сразу по прибытию, развивает активную деятельность - знакомится с китайскими чиновниками, торговцами и предпринимателями, налаживает агентурную сеть, много ездит по стране для изучения состояния караванных путей и их пригодности для передвижения войск. Уже в декабре он отправляется в первый поход – рекогносцировки дороги от укрепления Иркештам до города Кашгар. В марте 1900 г., в сопровождении двух казаков изучает пути от Кашгара к Яркенду. В октябре – ноябре того же года – вместе с подпоручиком Кирилловым и двумя казаками Корнилов совершает дальнюю разведку по маршруту Кашгар – Янгигиссар - Яркенд – Каргалык – Гуму – Хотан. Всего Корнилов проехал по труднейшим горным тропам и безводным пустыням более 2000 вёрст. И всё это в условиях вспыхнувшего в Китае Ихэтуаньского восстания, когда все иностранцы на территории Цинской империи подвергались не шуточной опасности.

Совершенно понятно, что столь активная деятельность русского офицера тотчас попадает в поле зрения, как китайских властей, так и английской разведки. Британский консул Джордж Макартни, один из главных персонажей “Большой игры”, регулярно информировал штаб своей армии о передвижениях Корнилова.

Первым действенным результатом работы капитана Генштаба было устройство поста между Кашгаром и Памирским отрядом и составление схемы почтового сообщения между Ошем и Памиром. Кроме того, Лавр Георгиевич регулярно передавал важную информацию, содержащую сведения о положении дел в Кашгарии.

Корнилов, как и Петровский был сторонником военного решения “Сарыкольского кризиса”. Правда, впоследствии Николай Фёдорович диаметрально поменял свои взгляды по этому вопросу. Надо сказать, отношения между консулом и офицером Генштаба, также претерпели изменения от достаточно тёплых, до резко конфликтных.

После первой встречи Корнилов отзывался о Петровском весьма благожелательно. Вот, что он сообщает в письме к начальнику Ошского уезда полковнику В. Н. Зайцеву. “Что касается Н.Ф. Петровского, личность которого изобразили мне в Ташкенте в самом непривлекательном свете, — он с первой же встречи произвел на меня глубокое и вместе с

тем самое отрадное впечатление своим оригинальным, светлым умом, широтой взглядов и глубоким пониманием Азии; я не говорю уж о его широком чисто русском гостеприимстве, которым мы пользуемся наравне с остальными членами колонии с первого дня приезда. В делах служебных, несмотря на наличность в данной мне инструкции значительного числа пунктов, могущих вызвать недоразумения, — у нас все идет гладко: я встречаю с его стороны энергичное и полное содействие; относительно Сарыкола мы вполне сходимся во взглядах и в настоящее время усиленно, соединенными силами муссируем этот вопрос”.

В конце же своего пребывания в Кашгаре, свои отношения с консулом Корнилов рисует совершенно другими красками: “Почтеннейший Н.Ф. засыпал Штаб мольбами на меня. Теперь жалуется, что я оказался неблагодарным — пользовался его библиотекой, разведчиками и его личными сведениям, — а начальство мое упрекает его в несочувствии к пребыванию в Кашгаре офицеров”. Именно конфликт между этими двумя людьми и привёл к тому, что Корнилов 15 августа 1901г. возвращается в Ташкент. Вот что пишет Лавр Георгиевичу тому же адресату: “К закорючкам дипломатии, следуя совету Вашему, отношусь философски. Консул занимается кляузами — это его привычка и, пожалуй, излюбленное с давних пор ремесло, почему претендовать на порядочность в его отношениях ко мне я не имею основания. [...]. Я давно уже подал рапорт об отчислении и со дня на день жду ответа из Штаба. Удивляюсь, почему последний задержан. На днях подаю рапорт вторично, мотивируя его необходимостью принять роту для ценза и окончанием возложенных на меня работ”. Впрочем, к тому времени все основные задачи были выполнены. В Ташкенте Корнилов занимается обработкой полученных материалов. В марте 1901 г. выходит его статья “Очерк административного устройства Синьцзяна”, датированная “Кашгар, 15 декабря 1900 года”. Год спустя исчерпывающая работа “Вооруженные силы Китая в Кашгарии”, итогом же стала, вышедшая в 1903 году книга “Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-стратегического описания”, принесшая автору заслуженный успех и до сих пор считающаяся одним из наиболее полных описаний этой территории.

Работа эта, напечатанная в типографии Штаба Туркестанского военного округа, кроме чисто военного значения, явилась существенным вкладом в географию и этнографию Восточного Туркестана. Она, что немаловажно, была высоко “оценена” и британскими специалистами. Крупный учёный-востоковед, М. К.Басханов пишет, что “работая в фондах лондонской библиотеки “India Office Library and Records”, удалось установить, что картографический материал к британскому изданию “Военный отчет по Кашгарии” (1907) представляет собой сопровождаемые английским текстом планы городов и укреплений Восточного Туркестана, снятые на местности капитаном Корниловым и подпоручиком Кирилловым и опубликованные в работе Л.Г. Корнилова”.

Командующий Туркестанским военным округом, генерал Н. А. Иванов достойно оценил деятельность Корнилова в Кашгарии. Лавр Георгиевич был награждён своим первым орденом – Станислава 3-й степени. Также, он получает чин подполковника и должность штаб-офицера для поручений при штабе округа. Триумф Корнилова был полным, портила только этот праздник начавшаяся болезнь глаз. Сказалось длительное действие яркого горного солнца и лёссовой пыли.

Что касается “Сарыкольского кризиса”, с учреждением Корниловым Ташкурганского поста, британцы прекратили свои дальнейшие происки в Сарыколе и Раскеме, и уверили Россию в отказе от каких-либо притязаний на эти земли. К 1902 г. кризис был практически исчерпан, но взаимное недоверие продолжалось вплоть до 1907 г.

Подполковник Корнилов в тот же, 1901 год, получает новое, опасное и секретное задание.

Глава шестая

Степь отчаяния

Осенью 1901 г. едва переведя дух после успешно выполненного задания в Сынцзяне, Корнилов, по распоряжению Штаба ТуркВО, отправляется в очередную секретную командировку. На это раз Лавру Георгиевичу предстояло выехать в Восточную Персию и “под именем члена Императорского географического общества, путешествующего с целью исследования некоторых научных интересов” провести рекогносцировку пограничной полосы Персии и Афганистана. Опыт разведчика, превосходное знание восточных языков и местных обычаев, энергия, настойчивость – все это делало кандидатуру Корнилова наиболее подходящей для задания. Причиной же посылки офицера Генштаба, послужил новый кризис в англо-русских отношениях. Кризис, возникший из-за борьбы двух империй за влияние в Персии и получивший название “Сеистанского”. В чём он состоял?

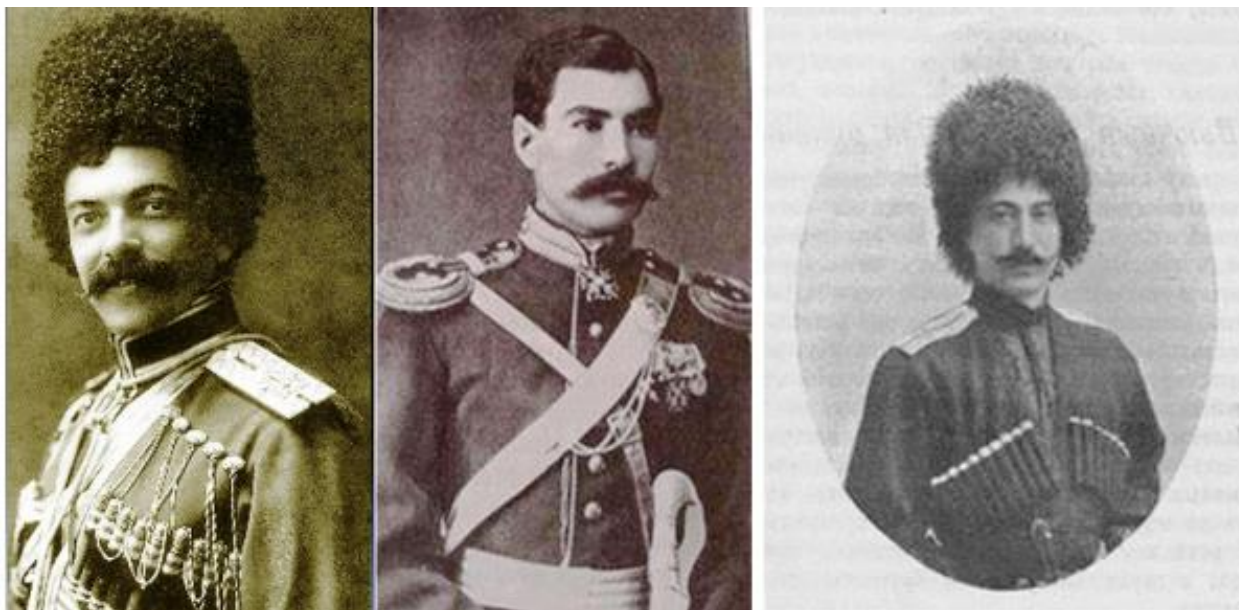
По образному выражению американского историка Ф. Карем-заде: “Злая судьба поместила Персию между русским молотом и английской наковальней”. Если густонаселённый север Ирана был легко доступен для русских армий с Кавказа, то юг, был во власти британского флота, который мог быстро доставить в Персидский залив индо-британскую армию.

В английских правительственных кругах давно вынашивалась идея о разделе Персии между Россией и Англией. Вопрос был только в том, кому какой кусок достанется. Между Лондоном и Санкт-Петербургом шло жёсткое соперничество за контроль над Персией и в этой борьбе Россия пока одерживала верх. Русская “мирная интервенция” началась в 1889 году, когда для защиты своих экономических интересов Россия закрыла для иностранного экспорта территорию Кавказа. Английские товары, таким образом, доставлялись по длинной и плохо оборудованной караванной дороге от Трапезунда до Тавриза. Это привело к тому, что к 1893 году торговый оборот между Англией и Персией снизился с 75 до 50 миллионов франков, в то время как Россия довела стоимость своего товарооборота до 125 миллионов. Кроме того, в обеспечение займов персидскому правительству, Россия получила в собственность землю в Персии для строительства Энзели-Тегеранской, Хамаданской, Тавризской железных дорог и портов – в Энзели на Каспии и Чахбаре, на берегу Аравийского моря, близ границы с Британской Индией. Известный предприниматель и авантюрист Лазарь Поляков (предполагаемый отец балерины Анны Павловой) основал “Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии”. Оно имело филиалы в Тегеране, Реште, Мешхеде и других городах. В Тегеране, им же было основано “Персидское страховое и транспортное общество”, построена спичечная фабрика. Тогдашний министр финансов России Сергей Юльевич Витте, в 1894 году, поставил перед банкирами четкую цель: содействовать “развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений”. Каспий по сути стал внутренним российским морем, судоходство там монопольно осуществляло пароходное Общество «Кавказ и Меркурий».

О полном торговом доминировании России в Персии можно судить по тому, что даже чай(!) там можно было купить только производства русских фирм, получавших его с о. Цейлон и доставлявшийся из России в красивых жестяных коробках через Решт на побережье Персидского залива.

Даже шахская армия была по сути русской, в 1879 году по просьбе шаха Насер эд-Дин-шаха была учреждена Персидская казачья бригада. Состоявшая из казаков и мухаджиров (мусульман, бежавших в своё время с Кавказа), она также стала проводником русских интересов в Тегеране.

Дети персидских вельмож учились в российских военных училищах. Некоторые из них оставались потом на русской службе. В частности, персидский принц Риза-Кули-Мирза служил в Собственном Его Величества Конвое.

Персидские принцы на русской службе. Слева направо полковник Риза-Кули Мирза Каджар, есаул Аманулла Мирза Каджар и штабс-ротмистр Фейзулла Мирза Каджар

Почти во всех более-менее крупных городах были открыты российские консульства. С. Спринг-Райс, секретарь британской дипломатической миссии в Тегеране, писал в 1899 г. “Когда превосходство одной державы над другой настолько очевидно, как в данном случае превосходство России над Англией, лучше всего честно признать его. Это не придется по

В. А. Косаговский

нраву газетам или, скажем, министерству иностранных дел, но безопаснее придерживаться фактов. Порядок в Тегеране поддерживают русский полковник и его по-русски выученное войско с помощью ружей, выданных царем, и советов, на которые не скупятся русские. Финансы на время приведены в порядок с помощью русского займа. Зерно привозят в голодающий город по русским дорогам”.

Русский полковник, о котором упоминает британский дипломат, это видный участник “Большой Игры”, Владимир Андреевич Косаговский. Участник русско-турецкой войны, выпускник Академии Генерального штаба он, в начале 1894 г. назначается командующим Персидской казачьей бригады, находящейся в то время в критическом положении. Под нажимом британцев, военный министр Ирана пытается расформировать пророссийское военное подразделение. Усугублялось это и ухудшившимся финансовым и материальным положением бригады. Косаговскому удалось

выправить положение, сократить расходы и укрепить дисциплину.

В 1896 г. в результате покушения был убит шах Насреддин и на Косаговского ложится вся ответственность за порядок в Тегеране. Он обеспечивает мирное вступление на престол наследника Мозаффар-эд-Дина, за что получает от нового правителя благодарность и перстень, усыпанный бриллиантами. После этого Косаговский приобретает необычайное влияние при шахском дворе, что позволило ему участвовать во внутривосточной жизни государства, а возглавляемая им Персидская казачья бригада

представляла собой самую организованную боевую единицу за всю историю существования персидской регулярной армии.

Девять лет прослужил Косаговский в Персии осуществляя не только командные, но и разведывательные функции. За этот период Генеральный штаб и штаб Кавказского военного округа получили от него огромное количество ценнейшей информации: стратегического, военно-статистического, политического, экономического характера. Доклады и отчёты Владимира Андреевича отличались высоким уровнем профессионализма.

Им в частности разработан такой стратегически важный вопрос, как движение войск русской армии в Индию через территорию Ирана. Косаговский описал маршруты переброски сил, наиболее удобные места переправ, использование средств при форсировании водных преград, районы для развертывания обозного хозяйства и многое другое. Впоследствии он, в чине генерал-майора, был участником русско-японской войны, где осуществлял общую организацию дальней разведки в штабе Маньчжурской армии. В 1905 году выходит в отставку и поселяется в своем имении в Новгородской губернии. Здесь, в 1918 г. он был расстрелян большевиками.

Но вернёмся в Персию. “Британский лев”, конечно, не мог оставаться равнодушным к такому развитию событий и предпринимал определённые шаги по противодействию российского влияния. Местом где особенно жёстко вступили в противоборство две империи, стала Сеистанская провинция, разделённая между Афганистаном и Персией. Она была не только самой близкой территорией Ирана к британским владениям, но и стратегически важным районом на пути через Хоросан и Герат в Среднюю Азию. “Обладание им создало бы плацдарм для всеобъемлющего наступления на Индию или для вторжения в Афганистан”. Поэтому идея захватить Сеистан, было давней мечтой индо-британской власти, и для получения как можно больших сведений об этом районе, англичане посылали туда опытных агентов. В конце 1880-х годов в Сеистане появляется один из таких разведчиков по имени Стюарт, в задачу которого входило: подкуп местных правителей, изучение пограничных районов и составление карт местности. Шпионские способности Стюарта высоко оценил, уже известный нам генерал Мак-Грегор. В своей книге “Оборона Индии” он предлагал поручить Стюарту подкупать провинциальных начальников, способствуя подчинению Ирана Англии. Кроме Стюарта, по Сеистану и Белуджистану, в это же время разъезжают десятки тайных и явных британских агентов. В 1892 году на сцене “Большой Игры” в Персии, появляется британский разведчик Нэпир. В сопровождении двух переводчиков, фотографа и конвоя из пяти всадников, он из Тегерана отправляется в Сеистан. Там он открыто ведёт рекогносцировку, нанося на карты местность, и занимается подрывной деятельностью.

Как уже было сказано выше, Сеистан был разделён между двумя государствами. Но неясность границ приводила к многочисленным афгано-иранским конфликтам. Этим и решили воспользоваться британские власти, определив себя в качестве арбитра в этом пограничном споре. В 1872 г. специальной комиссией под управлением Фредерика Голдсмита было осуществлено так называемое "сеистанское разграничение". Границей было признано русло реки Гильменд. В 1896 г. в результате большой воды, пограничная река изменила своё русло. Воспользовавшись новой ситуацией, англичане решили оторвать часть территории Персии в пользу Афганистана, для чего была создана новая разграничительная комиссия, получившая известность как “Миссия Мак-Магона в Сеистане”. Кроме того, под руководством капитана Уэбб Уэра, параллельно границе с Афганистаном была проведена Нушки-Сеистанская дорога. Назначение этой транспортной артерии - иметь выход в Южную Персию, минуя владения эмира. По всей её трассе были вырыты колодцы и установлена телеграфная связь.

Шах был чрезвычайно встревожен этими событиями и обратился к российским властям с просьбой о помощи. И Россия, прекрасно сознавая опасность поглощения Сеистана англичанами, немедленно откликнулась.

Для обеспечения русских и персидских интересов, летом 1897 г., в Сеистане было открыто российское вице-консульство, которое возглавил А. Я. Миллер. Там же при вице-консульстве была основана и военная агентура во главе с негласным военным агентом. В разное время эту должность исполняли Н.А. Данталь (1904-1907), В.И. Фляас (1908-1910), П.П. Цветков (после 1910).

Александр Яковлевич Миллер был убеждённым англофобом. Первое, что он сделал, вступив в должность, в сопровождении значительного и хорошо вооруженного эскорта демонстративно проехал вдоль персидско-белуджистанской границы на виду у англичан, бросая вызов их притязаниям на особое положение в Сеистане. В дальнейшем русский вице-консул, сделал всё, чтобы сорвать планы британцев. Дадим слово противной стороне. Вот, что пишет путешественник, корреспондент и фотограф газеты “Таймс” А. Гамильтон в своей книге “Афганистан”: “Россия не замедлила поддержать мнение шаха через своего консула в Нусретабаде, г. Миллера. Как только пограничный спор стал угрожать осложнениями между Персией и Афганистаном и политическими затруднениями для Великобритании с Тегераном — г. Миллер вмешался в Сеистанский вопрос. Он вопиал о надменности афганцев и предлагал персам силою воспротивиться, так называемым, агрессивным действиям афганцев”.

В “Сеистанском вопросе”, Россию поддержала и Германия. Читаем дальше у Гамильтона: “Должно сожалеть, что самым значительным результатом миссии Мак-Магона был ясно выраженный антагонизм между интересами с одной стороны Германии и России и с другой — Англии. Г. Миллер, с заранее обдуманном умыслом, злостно извращал цели миссии, причем его остроумные махинации нашли отклик в германской печати. [...] Как бы ни были остроумны ложь и двуличие г. Миллера, трудно допустить, чтобы дипломатический чиновник стал распространять, не имея специальных инструкций, те издевательства и извращения фактов, которые циркулировали в Сеистане во время пребывания там миссии Мак-Магона. Какова бы ни была сущность полномочий, полученных г. Миллером от русского посланника в Тегеране, нужно предполагать, что он использовал данные ему инструкции до крайнего предела”. Что ж, если тебя ругают враги, значит ты всё делаешь правильно.

Такова была обстановка в восточной Персии, когда туда отправился Генерального штаба подполковник Корнилов. Точные инструкции он должен был получить в Мешхеде, в русском консульстве.

Для подготовки экспедиции в Восточную Персию Лавр Георгиевич выезжает в Асхабад, где тщательно изучает британские исторические и географические работы по Персии, а также материалы соотечественников, побывавших там ранее: “Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан” поручика П. А. Риттиха, “Поездка по Восточной Персии в 1894 году” поручика К. А. Баумгартена, “Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана” штабс-капитана Н. А. Орановского и других.

Огромным подарком для Корнилова явилась только что вышедшая книга британского подполковника Чарльза Йейта «Хоросан и Сеистан». Йейт был крупный специалист по Афганистану и Персии, прекрасно изучивший эти регионы, продолжительное время находясь на дипломатической службе в Персидском заливе, Белуджистане, при персидском губернаторе Хоросана и Сеистана. В течение трех лет он занимал должность генерального консула в Мешхеде. Книга Йейта содержала подробные сведения об округах Персии, начиная от юго-восточного побережья Каспийского моря, вдоль границ с Россией и Афганистаном, и до персидского побережья в Персидском заливе. В работе приводились ценные описания персидских и афганских войск, с которыми автор лично ознакомился в Мешхеде, Кандагаре, Фарахе и Герате. Книга для русской разведки представляла огромный интерес и Лавр Георгиевич оценивал её чрезвычайно высоко, в полной мере используя при подготовке и во время экспедиции.

В конце ноября 1901 года небольшой отряд подполковника Корнилова, состоящий из него самого, двух туркмен и двух казаков пересекает российско-персидскую границу и

по горным тропам Копетдага отправляется в Мешхед. Через несколько дней, проехав почти триста верст, отряд достигает этого священного для мусульман-шиитов город. Здесь, с 1889 года находилось российское генеральное консульство, где группу Корнилова встретил Генеральный консул в Хорасане Петр Егорович Панафидин и вручил тому секретные инструкции. В них предписывалось: провести рекогносцировку афгано-иранской границы у Герата и Гильменда, затем выйти, двигаясь вдоль границы в Сеистан, и попытаться получить сведения о строящейся Нушки-Сеистанской дороге. Кроме того, по возможности проследить за действиями отряда Макмана. Из Мешхеда Корнилов отправляется в Турбат-и-Хейдери, где его ждал начальник русской противочумной службы, он же негласный военный агент, А. И. Ияс, знакомый Корнилову по учёбе в Академии. Александр Иванович помог Лавру Георгиевичу с формированием каравана. Через него также осуществлялась связь разведчика со штабом Туркестанского военного округа.

Штабс-капитан А. И. Ияс и его эскорт из казаков, г. Турбат-и-Хейдари, 1901 г

Интересно, что примерно в это же время, переводчик российского Генерального консульства в Бомбее капитан А. И. Выгорницкий решил проехать по Нушки-Сеистанской дороге, которой так интересовалось русское командование. Консул В. О. фон Клемм поддержал его ходатайство, «...надеясь, что, ввиду усиленного зазывания на новый путь торговцев и путешественников со стороны британских консулов в Персии, ему удастся выхлопотать г. Выгорницкому необходимое разрешение. С этой целью он связался официально с секретарем департамента иностранных дел в Калькутте и частным письмом с политическим агентом в Белуджистане полковником Йейтом, своим личным знакомым. Г. Йейт любезно ответил, что этот путь закрыт не только для одних русских ввиду небезопасности его от разбойничьих нападений и трудности снабжать проезжающих конвоем, провиантом и фуражом». Лукавил, конечно. В оправдание он просил не усматривать в отказе индийского правительства какого-либо специального недоверия к Выгорницкому и в заключение высказался относительно «доступности Индии в отличие от строгостей и стеснений, существующих в русских Среднеазиатских владениях». Отказ, без объяснения причин, был получен и от правительства в Калькутте.

Корнилову разрешения не требовалось, однако в целях безопасности в Персию он отправился «под видом естественника, члена учёного общества, но в сопровождении двух надёжных казаков».

В январе 1902 года Лавр Георгиевич со своим отрядом прибывает в Сеистан и после встречи с вице-консулом Миллером, начинает выполнять полученное задание – выезжает к ирано-афганской границе, чертит схемы местности, делает фотоснимки.

Появление русского разведчика не осталось незамеченным. С первого дня пребывания Корнилова в Персии за ним неотступно наблюдают агенты британского генерального консула в Мешхеде, Пэрси Сайкса.

Составив карту долины реки Гильменд, Корнилов приступает к последней и наиболее сложной части своей миссии - разведке строящейся дороги.

В это же время вдоль афгано-персидской границы вояжировал капитан Чеширского полка Х. Смит. Совершенно понятно, что целью британского офицера было наблюдение за русским отрядом. В секретном донесении британской разведки можно прочитать следующее: «2-го февраля русский военный инженер Корнилов прибыл в Сеистан,

путешествуя по маршруту Серакс – Сеистан. 7-го числа он отправился в короткую поездку вдоль сеистано-афганской границы, а по возвращении присоединился к г-ну Миллеру, следовавшему в Кох-и-Малик-Сей, и совершил рекогносцировку местности”.

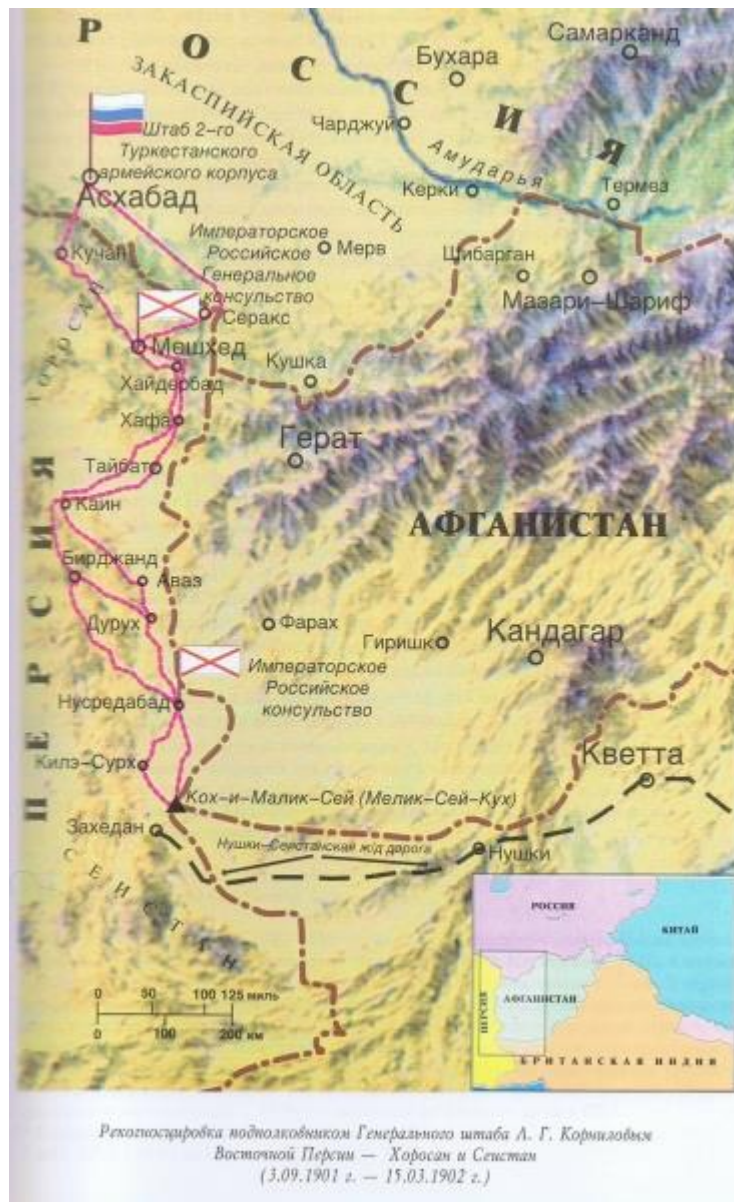
Полторы недели небольшой отряд разведчиков объезжает территорию Южного Сеистана, от укрепления Нусретабад до горной вершины Кох-и-Малик-Сей, собирая сведения, опрашивая местных жителей и странствующих купцов. Метод был опробован Корниловым ещё в Кашгарии. Практически в каждом населённом пункте разведчики делали привал в чайхане, где долго, по-восточному, вели беседы интересуясь местными новостями, как сквозь сито процеживая информацию, выуживая самое ценное. Текинцы из отряда Корнилова находили в селениях людей, побывавших в Английском Белуджистане и не скупясь покупали у них информацию о увиденном и услышанном. Выводы, к которым пришел Корнилов, подтверждали готовность Великобритании к расширению своего влияния на Персию и Среднеазиатские районы Российской Империи, хотя военно-стратегическое значение Нушки-Сеистанской дороги было несколько преувеличено русским командованием. Важность её для британцев была прежде всего в усилении торгового и политического проникновения в Персию. В своём отчёте Корнилов пишет: “устройство этой дороги завершит оккупацию англичанами Сеистана и послужит дальнейшему упрочению их политического и торгового преобладания на всём Юго-Востоке Персии и берегах Персидского залива“.

Обратно до Мешхеда путь проходил вдоль афгано-персидской границы. Предстояло пройти почти тысячу вёрст в знойных пустынях и джунглях, населённых жестокими и часто враждебными племенами. Не зря эту территорию называли “Степь отчаяния” – “Дашти Наумед” (современное название пустыни Дашт-и-Лут). Попытки многих исследователей пытавшихся проникнуть туда, заканчивались трагически. От невыносимой жары и голода, отчаянные путешественники погибали. Однако утверждение, кочующее из издания в издание - в частности в Википедии - о том, что Корнилов был первым европейцем, пересекшим “Степь отчаяния” не соответствует действительности, что конечно не умаляет подвиг русского разведчика-исследователя. Наиболее полная информация о европейцах, побывавших в этой соляной впадине до 1892 г., приводится в книге лорда Керзона “Персия и Персидский вопрос”. Керзон сам пересек эту пустыню во время путешествия по Персии в 1889 г. Из первых русских там побывал востоковед и географ Н. Ханьков в 1859 г.

Отряду Корнилова предстояло не просто пройти это гибельное место, а собрать этнографические материалы, изучить географию, составить топографические карты и представить объективные и полные характеристики этого района.

На сотни вёрст вокруг лишь песок, ветер и палящее солнце, от которого невозможно укрыться. С огромным трудом отыскивали воду, а пищей служили лишь лепёшки из пшеничной муки. С каждым днём всё меньше и меньше оставалось сил - как у людей, так и у вьючных животных. Пришлось избавляться от лишнего груза. Были выброшены походные кровати, палатки, различная утварь. Оставили лишь самое необходимое: оружие, еду, личные принадлежности, инструменты, приборы. Тяжелейшее путешествие, к счастью, завершилось благополучно, и 15 марта 1902 г. на стол начальника Штаба Туркестанского военного округа легла телеграмма: “Доношу Вашему Превосходительству, что я сего числа из командировки в Персию возвратился. Генерального штаба подполковник Корнилов”.

Возвращается Корнилов триумфатором, привезя богатейшие материалы географического, этнографического и военного характера. По результатам экспедиции Лавр Георгиевич пишет очерки “Историческая справка по вопросу о границах Хоросана с владениями России и Афганистана” и “Нушки-Сеистанская дорога”, которые вскоре были опубликованы в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» в Петербурге.

Карта из книги М. К. Басханова “Генерал Лавр Корнилов”

Персидская экспедиция наложила неизгладимый отпечаток на личность Корнилова. Все долгие месяцы пребывания в Персии он продолжал изучать язык, культуру и традиции персов. На всю оставшуюся жизнь он сохранит любовь к этой стране. Как вспоминал впоследствии Резак Бек Хан Хаджиев, личный адъютант Лавра Георгиевича, тот часто, много и увлекательно рассказывал о нравах жителей Персии, её истории, наизусть читал на прекрасном персидском языке произведения Хайяма, Хафиза, Саади и других персидских поэтов, переводя их потом слушателям.

После отъезда Корнилова из Хоросана, события в “Сеистанском вопросе” развивались следующим образом. Миссия Макмана прибыла в Афганский Сеистан в начале 1903 г. Причём добиралась туда не по удобной Нушки-Сеистанской дороге, а вдоль реки Гильменд, с целью основательно исследовать этот район Афганистана. Отряд британцев, напоминал скорее боевую единицу. В его состав входило 11 офицеров с эскортом в 200 пехотинцев и 60 кавалеристов. Всего отряд насчитывал 1500 человек и имел 200 лошадей, 2200 верблюдов с большим обозом и даже один пулемёт. Иранские власти просили Макмана оставить свой эскорт в Афганистане, гарантируя безопасность, но тот оказался, сославшись на то, что это его личный конвой. Россия пыталась вмешаться в работу разграничительной комиссии, постаравшись включить туда своего представителя, но эти попытки не удалось. Вступив на территорию Ирана Макман, кроме своей

непосредственной задачи, стал живо интересоваться вопросами расквартирования войск, источниками снабжения и всем тем, что было необходимо для действующей армии. За время своего пребывания миссия вторично установила афгано-иранскую границу в районе Минг-Кенги в пользу Афганистана. После отъезда Макмана, деятельность английских агентов в Персии ещё больше активизировалась. Ведущую роль в этом играл уже упоминаемый нами, Пэрси Сайкс.

Сэр Пэрси Сайкс. Фото из коллекции The Bridgeman Art Library

Основными очагами русского влияния, по мнению британского консула, были таможня и противочумная станция в Турбат-и-Хейдери. Поэтому он всячески стремился их устранить. Сэр Перси, активно боролся с влиянием России в Хоросане, чтобы никто не помешал англо-индийским войскам, стянутыми к тому времени в Мелик-Кухе-Сияхе, овладеть югом Ирана. И это вызывало обоснованную тревогу у российских военных властей, считавших, что Британия начала подготовку к войне с Россией.

Весной 1904 г. русский политический агент в Бухаре доносил о продвижении афганских войск по направлению к русской границе, а также о движении шеститысячного английского отряда к Кандагару, а затем к Бала-Мургабу. Афганскому эмиру, - после кончины Абдурахман-хана в 1901 г. его место занял старший сын Хабибула, - “было предложено озаботиться постройкой в Кандагаре казарм для английских войск”.

Разведка штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса обнаружила в течение лета 1904 г. множество признаков поспешной подготовки англичан в пограничных районах Индии, в Афганистане и Юго-Восточном Иране к серьезным военным операциям. В окрестностях Кандагара были выстроены десять фортов и заготовлен месячный запас продовольствия. По Нушки – Сеистанскому караванному пути начала строиться железная дорога. В Читрале и Гильгите, по соседству с русским Памиром, шла усиленная концентрация английских войск, заготавливались провиант, фураж, транспортные средства; английские офицеры производили рекогносцировку горных перевалов Гиндукуша. Приходила информация о намерении англичан занять афганскую часть Вахана, отделяющего северную границу Индии от русской территории. “Можно полагать, - говорилось в докладной записке русского Главного штаба, - что ближайшей целью военных приготовлений на читрало-гильгитской границе действительно является изменение существующих границ пригиндукушских владений Англии, которые, как уже было сказано выше, англичане намереваются расширить и дальше к востоку, за счет Китайского Туркестана”.

На западном участке афгано-русской границы также наблюдалась активность англичан. По сведениям русской разведки, весной 1904 г. английские офицеры и военные инженеры, сопровождаемые сотней афганской конницы, производили инструментальную съемку района Кала-Ноу и планировку участков, отведенных под постройку казармы. Оттуда они направились на перевал Зермаст и в Кушк-Афганский (невдалеке от русской пограничной крепости Кушки). По тем же сведениям, некий английский генерал прибыл в Герат для изучения дорог, ведущих к русской границе. На границе персидского Сеистана англичанами были возведены солидные укрепления: в Нушки, Дальбандане, Рубате, Мелик-Сиях-Кухе, в которые введены гарнизоны англо-индийских войск.

Британская дипломатия, в это же время, прибегла к энергичному давлению на иранское правительство, добиваясь ликвидации русского противочумного поста. Комментируя эти демарши английского посольства в Тегеране, министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф указывал, что они “являются лишь одной из целого ряда мер, предпринятых англичанами, дабы убедить персов, что Россия всецело поглощена военными действиями на Дальнем Востоке и утратила всякое значение для Персии”.

В другом документе, датированном декабрем 1904 г., русский министр констатировал: “Во всяком случае старания Англии носят несомненно агрессивный характер и вполне очевидно, что они стремятся создать себе, на случай нападения на нас, нечто вроде афганского авангарда...”

Наращивание военных сил британская дипломатия оправдывала русской угрозой. Перекладывала, грубо говоря, с больной головы на здоровую. В августе 1904 г. английский МИД выразил русскому послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу свое беспокойство в связи с якобы происходившей концентрацией русских войск на границе с Афганистаном.

В конце концов выяснилось, что военные приготовления англичан на среднеазиатских границах России оказались чистым блефом. Британское правительство отдавало себе отчет в том, что англо-индийские войска не готовы к вооруженному конфликту с Россией, которая, рассматривалась англичанами как весьма опасный противник.

Что касается “Сеистанского вопроса” он был окончательно разрешён только в 1907, заключением англо-русского соглашения. Подполковнику Корнилову благополучно вернувшемуся после Сеистанской миссии в Ташкент, предстояло решить проблему от которой зависела его дальнейшая карьера. Дело в том, что в Русской Императорской армии существовало обязательное правило, для получения должности в Генеральном штабе, кандидатам, после окончания Академии, нужно было откомандовать ротой в течении одного года. Лавру Георгиевичу, окончившему Академию пять лет назад, из-за постоянных командировок, никак не удавалось выполнить это необходимое условие. И вот, наконец, такая возможность ему представляется. 30 сентября 1902 года подполковник Корнилов назначается командиром роты 1-го Туркестанского стрелкового батальона где прослужит до ноября 1903-го. Затем, осенью 1903 года, Корнилов, выполнив ценз, отправляется в очередную командировку. На этот раз в Индию.

Глава седьмая

Визит к врагу

В январе 1903 года военный министр А. Н. Куропаткин в секретном отношении министру иностранных дел В. Н. Ламсдорфу писал: “Предполагая испросить Высочайшее соизволение на командирование в Индию Генерального штаба подполковника Корнилова для сбора сведений об этой стране, прошу Ваше Сиятельство не отказать в уведомлении, не встретится ли с Вашей стороны препятствий к тому, чтобы названный офицер был командирован без особого предуведомления британского правительства в качестве совершенно частного лица, подобно тому, как в 1901 г. был командирован подполковник

Серебренников”. МИД ответил согласием и решение о командировке офицера Генштаба было принято на самом высоком уровне.

К этому моменту Лавр Георгиевич уже был асом военной разведки. За его спиной имелся огромный опыт выполнения секретных миссий в нескольких азиатских странах. К тому же он прекрасно владел языками урду, персидским и английским.

Ко времени отправки Корнилова в Индию, отношения между британскими и русскими военными, благодаря Лорду Керзону, существенно изменились, стали более цивилизованными. По выражению историка М. К. Басханова: “Керзон привнёс в систему англо-русских отношений в Азии нечто новое – ровное дыхание и трезвый прагматический подход”.

Вице-король Индии лорд Керзон с супругой на слоне в окрестностях Дели, 1903 г. Из коллекции Piramal Gallery, Мумбай, Индия

Путь в Индию лежал через Константинополь, куда Лавр Георгиевич прибывает в начале ноября и после встречи с российским консулом П. Г. Панафидиным, с которым он

уже встречался в Персии, отправляется в египетский Порт-Саид. Там он берёт билет на ближайший пассажирский пароход, отправляющийся в Бомбей. Судно оказалось британским. Стоя на палубе, подполковник вспоминал свой разговор с Панафидиным. Тот высказал убеждение, что англичане не пропустят русского путешественника из Кветты в Сеистан, а пройти туда незаметно вряд ли получится. В последнее время англичане стали проявлять особенную подозрительность относительно иностранцев, посещающих Южную Персию, а со времени назначения главнокомандующим Индийской армией лорда Китченера, начавшего военные реформы, меры безопасности ещё более усилились. Кроме того, заметил консул, имя Корнилова уже достаточно известно соответствующим английским службам, и, скорее всего, за вояжем российского подполковника-генштабиста, будут следить особенно тщательно, поэтому лучше всё же совершить поездку открыто, под своим настоящим именем. С этим Лавр Георгиевич согласился. Кроме того, Панафидин снабдил разведчика рекомендательными письмами к высокопоставленным английским офицерам, с которыми консул познакомился во время своей продолжительной службы в Персии, Турции и на Памире.

Л. Г. Корнилов. Фото 1904-1905 гг.

На пароходе плыли в основном англичане, и, просмотрев список пассажиров, Корнилов увидел, что на судне находится 16 человек военных - офицеров полков, расположенных в Британской Индии. Несмотря на гражданский костюм, строевая выправка выдавала пассажира из России и, конечно, его персону сразу вызвала подозрение. Проходя мимо пассажиров, собиравшихся на палубе, он неизменно слышал обрывки фраз о шпионаже. Вскоре к Корнилову подошла группа английских офицеров. Они стали интересоваться целью его поездки, однако вопросов о воинском звании задать не рискнули. Вечером Корнилову представился ещё один офицер. После нескольких дежурных фраз, он заявил, что служил в Гильгите и имя Корнилова ему известно.

- Вероятно вы тот самый русский офицер, который путешествовал по Хоросану? "Насколько верным было решение путешествовать под настоящим именем", - вероятно, подумал при этом, Лавр Георгиевич.

- Да, - ответил Корнилов, - я действительно подполковник русской армии. Решил взять отпуск. Давно хотел увидеть Индию, и, как офицер, хочу познакомиться с британскими войсками, расположенными там, и с представителями этих войск.

После этого отношения к русскому офицеру заметно изменилось. К нему отнеслись с большим радушием, и многие офицеры даже пригласили его посетить места их службы.

12-го декабря пароход, на котором находился Корнилов, пришвартовался в порту Бомбея и Лавр Георгиевич тут же отправляется к генеральному консулу Российской империи Василию Оскаровичу фон Клемму.

Василий Оскарович был первым российским консулом в Бомбее. Находясь в этой должности с 14 февраля 1900 года, он успешно обеспечивал связь и дипломатическое прикрытие офицерам Главного штаба, посещавшим Индию с разведывательными целями. Кроме того, оказывал содействие учёным экспедициям Академии наук и Русского географического общества, да и самолично собирал информацию как научного, так и экономического и военно-политического характера.

Консул, только, что прибыл из Пуны, тем не менее, тотчас принял Корнилова. Тот рассказал Клемму, что предполагает отправиться сначала в Дели и Агру, - обычный туристический маршрут, - затем, постепенно продвигаясь на запад и на юг, под предлогом навестить своих старых знакомых, побывать в Пешаваре, Мултани и Равалпинди. Из Мултаны, не спрашивая разрешения английских властей, попытаться проехать в Кветту, а там в зависимости от обстоятельств — или в Сеистан, что желательно, либо, если не получится, в Карачи.

Консул план вполне одобрил, за одним исключением. Проехать по Нушки-Сеистанской дороге, скорей всего не удастся. После отказа Калькутты разрешить проехать по ней Выгорницкому, Клемм счёл неудобным вторично обращаться по этому вопросу к индо-британским властям. Василий Оскарович также одобрил решение Корнилова путешествовать под своим именем. Об этом Клемм уведомил и МИД: “В декабре в Индию прибыл командированный по Высочайшему повелению Генерального штаба подполковник Корнилов. Согласно преподанной ему секретной инструкции, он имел объехать северную часть Индии, не открывая своего звания, как совершенно частное лицо. Но так как имя этого офицера, много разъезжающего по Персии, в Кашгаре и на Памирах, хорошо известно в Индии и так как он был узан одним английским офицером ещё на пароходе, на котором

Сэр Арчибальд Хантер

ехал сюда, мы решили с ним, что скрывать его звание будет не только неудобно, но и небезопасно и что лучше будет действовать открыто на любезность англо-индийских властей”. Таким образом было решено, что Корнилов отправится по Индии “простым туристом под видом офицера, находящегося в отпуске”.

Надежд выполнить основное задание было мало, и Лавр Георгиевич решил несколько изменить программу “и заняться изучением индо-британской армии по тем вопросам, на которые было меньше обращено внимания моими предшественниками, не отказываясь в то же время от выполнения главной задачи командировки, насколько это окажется возможным в зависимости от обстоятельств”.

Из Бомбея Корнилов выехал в Пуну, где находился крупный военный гарнизон. Там же постоянно пребывал командующий войсками Бомбейского округа генерал Арчибальд Хантер.

В Пуну Корнилов прибыл в начале рождественских праздников, поэтому пришлось две недели ожидать аудиенции у командующего. Наконец 31 декабря, в сопровождении консула, Лавр Георгиевич нанёс визит в штаб округа и

представился сэру Арчибальду, недавно назначенному на эту должность. Это был известный в военных кругах полководец, за плечами которого была блестящая служба в Египте, Судане и Южной Африке. Хантер принял русского офицера весьма любезно и позволил тому не только осмотреть все войска Пунского гарнизона, но и дал разрешение на посещение Кветты, которая также находилась в его подчинении.

По приглашению командующего Лавр Георгиевич присутствует на параде войск гарнизона, с огромным интересом наблюдая за британскими военнослужащими. В случае боевых действий в Центральной Азии или Закавказье русским войскам придётся столкнуться именно с этой армией. В своём отчёте Корнилов напишет: “Внешний вид войск был хорош. Красные парадные мундиры и белые каски ланкаширцев, оригинальное национальное одеяние шотландцев (kilt), “хаки” туземных полков, темные мундиры артиллерии, красивые темно-синие мундиры и цветные тюрбаны конницы, — все это, в общем, давало весьма эффектную картину...”.

Наблюдает Лавр Георгиевич и одно из учений индо-британских войск, где вновь убеждается в целесообразности цвета хаки, отлично маскирующей бойцов среди “сухой травы и жёлтых камней”.

По рекомендации Клемма, Корнилов знакомится с начальником Бомбейского гарнизона, генерал-майором Уиллкоксом. Тот снабжает русского подполковника рекомендациями к военным властям Пенджабского округа.

Как видим, английские военные власти в Индии отнеслись к Корнилову гостеприимно, доверительно и весьма радушно. Чего нельзя сказать о властях гражданских. Полиция, с первых минут появления русского путешественника, ходила за ним по пятам. Причём вменяя тому в вину, даже то чего не было. К примеру, в Равалпинди полицейский комиссар донес на Корнилова местному коменданту, что тот по дороге из Лагора сфотографировал какой-то мост. Поскольку этот мост Лавр Георгиевич проезжал глубокой ночью (что исключало фотографирование), это обвинение он легко опроверг. Наконец, в Пешаваре у него были украдены из чемодана фотографии, негативы, фотографический аппарат, записная книжка и все бумаги. Вот, что пишет об этом сам Корнилов: “Вернувшись в гостиницу, я узнал, что за время моего отсутствия из запертой комнаты выкраден чемодан; явившаяся по моему требованию полиция быстро отыскала его в нескольких шагах от отеля, чемодан оказался вскрытым; деньги были целы, но фотографии, письма, кое-какие книги, фотографический аппарат и бинокль (по виду очень похожий на камеру-бинокль) исчезли. К счастью для меня, все записные книжки с заметками и вообще всё, что могло представлять некий интерес для англичан, всё это было постоянно при мне и только потому не попало в руки Пешаварской полиции, не без участия которой был произведён наглый грабёж. Всё это было проделано, по-видимому, без участия военных властей Пешавара, так как генерал Барроу и офицеры были неприятно возмущены этим неприятным инцидентом и откровенно высказывали своё негодование по этому поводу”.

Когда известие об этом дошло до консула, тот был поначалу сильно встревожен. Однако вернувшийся Корнилов развеял опасения Василия Оскаровича.

Впрочем, были и исключения. Будучи в Агре, куда русский разведчик отправился из Пуны, к нему в номер неожиданно явился полицмейстер города майор Ньюнем. Насторожившийся было Корнилов, неожиданно был приятно удивлён, когда посетитель радушно предложил свою помощь для ознакомления с городом. Разгадка этого радушия оказалась проста – жена полицмейстера была русской москвичкой.

После Агры Корнилов посещает Дели, Лагор, Джелум, Равалпинди, Пешавар, Хайдарабад, Кветту и другие города и районы Индии, где внимательно изучает организацию, общее состояние и вооружение индо-британской армии. Знакомясь и общаясь с английскими офицерами, Лавр Георгиевич ни на минуту не забывает о цели своей поездки. Сидя в купе вагона и весело проводя время в обществе британских военных за бутылкой виски или шерри-бренди, разведчик чётко фиксирует проплывающий за окном

пейзаж, запоминая интересующие его детали: военные посты, их состав и вооружение, туннели, карьеры, шоссе, дороги.

Общается русский подполковник и с военными-индийцами. Так, в Дели, во время ознакомления с 28-м пехотным Пенджабским полком, который состоял из представителей местных племён – сикхов, белуджей, пуштунов и других, офицеры полка жадно расспрашивали русского гостя о жизни в мусульманских регионах Российской империи. “Туземные офицеры – писал Корнилов в отчёте – расспрашивали меня (разговор шёл по-персидски), есть ли в нашей армии офицеры из азиатских народностей, и были, видимо поражены, узнав, что у нас даже на высших постах есть офицеры, азиаты по происхождению и магометане”.

Сикхи на службе в индо-британской армии. Фото 1905 г

Кветту, откуда начиналась Сеистанская дорога, посетить удалось, но дальше путь был закрыт. Корнилову дали понять, что ввиду слухов о военных приготовлениях в Туркестане, распространившихся в Индии с началом русско-японской войны, присутствие русского офицера там является не совсем удобным. Лавр Георгиевич возвращается в Бомбей, где подробно докладывает консулу о результатах своей поездки по северо-западной границе Индии. Клемм немедленно сообщает в Петербург: “Подполковник Корнилов объездил все главные стратегические центры на севере Индии и везде военные власти оказывали ему полное внимание и гостеприимство. Он, видел, таким образом, много интересного, наверное, гораздо больше, чем мог бы увидеть, если бы путешествовал инкогнито, и, я думаю, что он в состоянии будет представить весьма ценный материал”. На этом миссия Корнилова завершилась. Несмотря на то, что главную задачу – осмотр Нушки – Сеистанской дороги, - выполнить не удалось, собранная им военно-статистическая информация была оценена, как крупнейший успех российской военной разведки на этом направлении. Задания, успешно выполненные Корниловым в Восточном Туркестане, Персии и теперь в Индии, сделали его крупнейшим военным специалистом в области востоковедения среди офицеров российского Генштаба. В фондах РГВИА хранится любопытный документ – характеристика на подполковника Генерального штаба Л.Г. Корнилова, - подписанный Окружным Генерал-Квартирмейстером генерал-майором Евреиновым. Вот небольшой отрывок из этого документа: “Здоровье – хорошее, умственные способности – выдающиеся, нравственные качества – очень хорошие, твёрдость воли и выдающиеся черты характера – воли твёрдой, трудолюбив и при большом честолюбии, к какого рода деятельности более всего способен – ко всем.

Усерден, энергичен, служебным тактом обладает, быт офицера и солдата знает, честен, беспристрастен. Вследствие прекрасных способностей, а равно большого самолюбия сумеет справиться со всякими делами. Выдающийся”.

“Согласен” – начертал на характеристике начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Сахаров.

В июне 1904 года Лавр Георгиевич возвращается в Россию и представляет руководству рукописный отчёт. В этом документе, Корнилов подробно излагает ход своей поездки по Индии, описывает устройство индо-британской армии, приемы обучения и боевой подготовки разных родов войск и организацию ее быта. Предполагая будущее военное столкновение двух империй в Азии, он кратко характеризует укрепления в приграничной полосе, даёт описание дорог и важнейших железнодорожных линий. На основании своих наблюдений и анализа текущей английской военной литературы, Корнилов делает несколько общих выводов об индо-британских вооруженных силах и военного положения англичан в Индии, отмечая возросшую активность в армии, начавшуюся со времени назначения лорда Китченера её главнокомандующим.

Один экземпляр Отчёта был отправлен в штаб Туркестанского военного округа.

Интересно, что на полях первого листа Докладной начальника Азиатского отдела Главного штаба, генерал-майора Фёдора Николаевича Васильева, по поводу Отчёта подполковника Корнилова, начальник Главного штаба генерал-лейтенант Виктор Викторович Сахаров написал:

“Читал. 300 тысячная армия большая сила, но не думаю, чтобы англичане могли направить не только все, но даже большую ее часть против нас, оголив Индию от войск. Что англичане стремятся усилить свое положение на Сев. Зап. границе, весьма естественно, так как на этой границе они могут ожидать единственно сильного врага. Единственный вопрос, делают ли они это с наступательными или оборонительными целями? Думаю, что наступать им незачем, так как вряд ли в их интересах возбуждать пожар, который и их может задеть. Верьте, что они готовятся на случай, если бы мы пожелали воздействовать на них, на их сухопутных границах”.

Через год, в августе 1905 года, секретный “Отчёт о поездке в Индию” был опубликован Генеральным штабом.

За успешно выполненное задание Корнилов был Высочайше награждён Орденом св. Станислава 2-й степени.

А вскоре в здание МИДа на Певческом мосту, пришёл из Бомбея увесистый пакет с сопроводительным письмом: “Имею честь препроводить при этом департаменту пакет, с бумагами, книгами и фотографиями подполковника Генерального штаба Корнилова, украденный у него в бытность его в Пешаваре. Управляющий консульством. Некрасов”.

Через некоторое время, после возвращения из Индии подполковник Корнилов назначается столоначальником (начальником отдела) Главного штаба в Петербурге.

К этому времени на Дальнем Востоке уже полгода полыхает война между Российской империей и Японией. Корнилов не может в этой ситуации оставаться в стороне – он рвётся в действующую армию, однако военное руководство не торопится отпускать на фронт ценного офицера и исследователя. Тем не менее, подполковник упрям и настойчив, и, в конце сентября 1904 года его просьба была удовлетворена. В должности штаб-офицера при управлении 1-й стрелковой бригады Корнилов отправляется в Маньчжурию.

Глава восьмая

Маньчжурия и короткое затишье

В декабре 1904 года подполковник Корнилов с 1-й Стрелковой бригадой, прибывает в Маньчжурию, где уже почти год идут боевые действия. Боевое крещение Лавр Георгиевич принимает под небольшим селением Сандепу, а в феврале 1905 года во время сражения под Мукденом проявляются лучшие качества Корнилова - командира. Под деревушкой Вазье

часть, в которой воевал Корнилов, была окружена японцами, вследствие хаоса и потери управляемости войсками, 34-летнему подполковнику пришлось взять командование на себя.

Штыковой атакой он прорывает окружение и выводит свою уже считавшуюся уничтоженной бригаду из окружения. Выводит в полном боевом порядке, со знамёнами, не оставив на поле боя ни одного раненого. Позднее, в своём докладе Корнилов отмечал: “1, 2 и 3-й полки, несмотря на крайнее утомление, большие потери, понесенные в предшествующих боях, недостаток в офицерах... и, наконец, несмотря на панику, охватившую части разных полков, отходивших по этой же дороге, держались на занятой позиции с непоколебимую твердостью под убийственным огнем пулеметов, шимоз и пехоты противника, ясно осознавая необходимость держаться для спасения других”.

Картина художника М.Л. Маймона, “Атака под Тюренченом”

За этот подвиг Лавр Георгиевич был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. А в 1907 году, он получает личное Георгиевское оружие, за подвиги в русско-японской войне.

В конце марта Корнилов, находится на передовой у деревни Шуаньшуза, затем участвует в реформировании частей бригады в дивизию.

23 августа 1905 года в Портсмуте был подписан мирный договор между Россией и Японией, поставивший точку в кровопролитной войне на Дальнем Востоке. Позорная для России война завершилась уступками Японии южной части Сахалина, арендных прав на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Но вины Лавра Георгиевича в этом, конечно, никакой не было. В декабре он сдаёт должность начальника штаба 1-й стрелковой бригады и, с новенькими погонами полковника на плечах, присвоенные за “отличия против японцев”, отправляется в Петербург.

1 января 1906 года полковник Корнилов становится делопроизводителем Управления генерал - квартирмейстера Генерального штаба, отвечавшего за военное планирование и ведение разведки иностранных государств, а с 4 мая 1906 года назначается в часть 3-го оберквартирмейстера Главного Управления Генштаба, которая отвечала за разведку азиатских театров военных действий – от Турции до Японии.

Жизнь казалось, вошла в спокойное русло. Но накануне 1907 года трагедия входит в дом Лавра Георгиевича. Заболевает менингитом и вскоре умирает старший сын Дмитрий, в котором Корнилов души не чаял. Как вспоминала позже сестра Лавра Георгиевича Анна, "брат дни и ночи не отходил от больного ребенка; он был неутешен в своем горе; привязанность к Диме у него доходила до обожания".

Чтобы заглушить горе, безутешный отец весь уходит в работу. С 14 июня по 18 августа 1906 года он совершает поездку в Тифлис и Ташкент в связи с подготовкой нового порядка изучения офицерами восточных языков. В Ташкенте он, совместно с другим востоковедом, полковником Иваном Дионисиевичем Ягелло, разрабатывает проект реорганизации Ташкентской офицерской школы восточных языков. Проект, правда, так и не был принят. В редкие дни, которые Лавр Георгиевич посвящает семье, он помогает дочери с математикой и французским языком.

Супруга Корнилова, Таисия, была настоящей офицерской женой. Она стойко переносила все тяготы военной жизни. По воспоминаниям сестры Лавра Георгиевича, Таисия «всю свою жизнь приспособила к укладу натуры брата. Все хозяйственные заботы лежали исключительно на ней». Но сам Корнилов, по ее мнению, «не мог сократить ради семьи свою широкую, могучую натуру... не мог отказаться от государственной работы, родина для него была выше семьи».

Петербургская жизнь семьи Корнилова продолжается чуть более года.

В январе 1907 года, на основе представления начальника Генерального штаба Фёдора Фёдоровича Палицына, последовал Высочайший приказ, согласно которому полковник Корнилов должен был отправиться в Пекин, чтобы занять там должность военного атташе. Начинался новый виток карьеры Лавра Георгиевича.

Глава девятая

Пекин

Работа в Китае явилась пиком карьеры Корнилова-разведчика. Он путешествует по новой для него стране, изучает историю, быт, традиции и обычаи китайцев.

Задумывая написать о Китае книгу, делает подробные записи и путевые заметки, и регулярно отправляет отчёты в Генштаб: "О полиции Китая", "Телеграф Китая", "Описание маневров китайских войск в Маньчжурии", "Охрана императорского города и проект формирования императорской гвардии".

Военный агент в Пекине полковник Л. Г. Корнилов с семьёй консульского работника в Китае (1907 г.).

Фото штабс-капитана П. В. Шкуркина

В книге известного историка разведки К. К. Звонарёва читаем: "Военный агент в Китае полк. Корнилов имел двух помощников, - одного в Мукдене, другого в Шанхае. По словам 5-го делопроизводства Ген. штаба, сведения военной агентуры о развитии военных

реформ в Китае и о различных организационных мероприятиях военного характера, предпринимавшихся китайским правительством, были вполне удовлетворительными, зачастую обширными, полными и обстоятельными. Наиболее ценные, полные и обстоятельные донесения получались от военного агента. Он давал сведения преимущественно об общих руководящих указаниях, дававшихся на места центральным правительством в Пекине. В огромном большинстве случаев эти общие сведения сопровождались переводами указов, приказов, повелений и пр.”.

В Китае Корнилов заводит полезные знакомства с дипломатами разных стран и китайскими военными служащими – в частности будущим генералиссимусом и президентом Китайской Республики Чан Кайши.

Л. Г. Корнилов среди представителей дипломатических миссий. Китай (1907 г.)

С ещё одной незаурядной личностью встречается здесь Лавр Георгиевич. В 1908 году он принимает совершающего поездку по Туркестану и Китаю полковника Карла Маннергейма, с которым, впрочем, познакомился ещё в Ташкенте. Будущий президент Финляндии с благодарностью вспоминал позднее о той поддержке, которую оказал ему российский военный агент.

В Пекине зеркально повторяется Кашгарский сценарий. Вновь у Корнилова вспыхивает конфликт с чиновником МИДа, на этот раз с первым секретарём посольства Борисом Константиновичем Арсеньевым. Тот обвинил военного агента в отсутствии разведывательной информации, самоуправстве и нарушениях дипломатического этикета. Корнилов вспылал и заявил о невозможности согласовывать каждый шаг с руководством миссии. Правда, на этот раз на Родину был отозван Арсеньев, а Корнилов остаётся в Пекине.

В 1910 году Лавр Георгиевич оставляет должность военного агента в Китае. Было это связано с тем, что для дальнейшего служебного роста и присвоения генеральского звания Корнилову было необходимо иметь непрерывное повышение ценза строевого командования. Должность же военного агента была нестроевой и не засчитывалась. Корнилов неоднократно после 1909 года просил командование предоставить ему возможность получения должности командира полка при наличии вакансии. Наконец, в конце 1910 года такая вакансия открылась в 8-м пехотном Эстляндском полку.

В Россию Корнилов возвращается намеренно длинным путём – почти 10 000 километров через Монголию и Восточный Туркестан. Разведчик всегда остаётся разведчиком, Лавр Георгиевич по дороге фиксирует укрепления китайских гарнизонов на

юго-восточной окраине Российской Империи, отмечает враждебное отношение народа Монголии к китайским чиновникам.

В декабре 1910 года полковник Корнилов делает доклад в Главном штабе на тему «Военные реформы в Китае и их значение для России». Это был итог самого большого периода его довоенной биографии. Как память о работе в Китае у Лавра Георгиевича остался серебряный перстень-печатка с китайскими иероглифами. Меня заинтересовала история этого мужского украшения, которым очень дорожил Лавр Георгиевич. Упоминание о перстне я встретил лишь в одном месте и то он был описан как золотой. На помощь пришёл Михаил Казбекович Басханов, к которому я обратился с просьбой пролить свет на эту историю. Привожу его ответ:

“Массивный серебряный перстень был подарен Лавру Георгиевичу в период службы в Китае. Им он очень дорожил и постоянно носил на одном из пальцев. На щитке перстня рельефно выступали два китайских иероглифа.

運命

Они означали слово “судьба”. Фотографию перстня мне прислал в свое время внук Корнилова - Лавр Алексеевич Шапрон дю Ларре, много помогавший материалами и сведениями. Просьба его была фотографию не публиковать, поскольку это семейная реликвия. Что я и сделал”.

Родина же отметила заслуги Корнилова-военного атташе Орденом Св. Анны 2-й степени которым он был награждён в 1909 году.

Глава десятая

На страже границы

4 февраля 1911 года, после положенного ему отпуска, Корнилов приступает к обязанностям командира 8-го пехотного Эстляндского полка, но остаётся в этой должности недолго. Один из крупнейших знатоков азиатского региона не мог долго находиться вне сферы своих интересов. Генерал-лейтенант Евгений Иванович Мартынов, знакомый Корнилова ещё по русско-японской войне, предложил ему генерал-майорскую должность с жалованьем в 14 тысяч рублей в год в Корпусе пограничной стражи, которая в то время состояла в ведении Министерства финансов. Предложение было заманчивым и Лавр Георгиевич, не раздумывая соглашается.

Л. Г. Корнилов в период службы в Заамурском округе пограничной стражи (1912 г.).

3 июня 1911 года полковник Корнилов отправляется в Заамурский округ пограничной стражи на должность командира 2-го отряда, состоявшего из двух пехотных

и трех конных полков. А уже через полгода Лавр Георгиевич меняет полковничьи погоны на погоны генерал-майора.

Округ охранял линию КВЖД в Маньчжурии. Как писал Корнилов в письме сестре «...я прокомандовал Отрядом, что соответствует дивизии, почти два года и чувствовал себя отлично: обстановка самая военная, отряд большой – пять полков военного состава, в том числе три конных, хорошее содержание и отличная квартира...»

В новой должности Лавр Георгиевич сразу же развивает бурную деятельность. Обращает внимание на необходимость уточнения карты Манчжурии, проводит регулярные маневры и военные игры, активно борется с хунхузами – так называли китайских разбойников и контрабандистов. А по прошествии двух лет проявляет себя как борец с коррупцией. Он инициирует расследование по фактам широкомасштабного воровства в сфере снабжения довольствия. Преступные нити привели на самый верх, к премьер-министру Коковцеву, который к тому же являлся министром финансов и Шефом Корпуса Пограничной Стражи. Совершенно понятно, что силы были слишком неравны и Лавр Георгиевич возвращается в военное ведомство командиром бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, располагавшейся на острове Русском возле Владивостока.

Вот, что писал об этом эпизоде Корнилов в письме к сестре: “В конце 1913 года, у нас в округе начались проблемы по части довольствия войск, стали кормить всякою дрянью. Я начал настаивать, чтобы довольствие войск было поставлено на других основаниях, по крайней мере, у меня в отряде. Мартынов поручил мне произвести расследование по вопросу о довольствии войск всего округа. В результате открылась такая вопиющая картина воровства, взяточничества и подлогов, что нужно было посадить на скамью подсудимых все Хозяйственное Управление Округа во главе с помощником Начальника Округа генералом Савицким. Но последний оказался интимным другом премьер-министра и генерала Пыхачева, которые во избежание раскрытия еще более скандальных дел, потушили дело. В результате Мартынова убрали, а я, несмотря на заманчивые предложения Пыхачева, плюнул на пограничную стражу и подал рапорт о переводе в армию”.

На новой службе во Владивостоке Корнилов теряет в окладе, резко ограничивается его доступ к развединформации, тем не менее, армейская жизнь была Лавру Георгиевичу близка и понятна. Об этом он пишет сестре: “...условия весьма тяжелые..., занимаем небольшую квартирку в неотстроенном доме, квартира сырая, климат здесь суровый, крайне резкий. Таиса и Юрка стали болеть... Таисе необходимо серьезно полечиться, так как у ней болезнь почек, которая под влиянием климата и др. неблагоприятных условий жизни сильно обострилась... Я остаюсь здесь, т.к. мне придется до октября командовать дивизией... В конце октября выяснится окончательно, - останусь ли я здесь или же перевозжусь в Евр. Россию: мне обещан перевод или в строй, или в Гл. Управление Генерального Штаба. Но в канцелярию меня не особенно тянет и лично я здешними местами очень доволен: тяжеловато, но зато приволье и дело живое; у нас несмотря на суровые холода, - всю зиму шли маневры, боевые стрельбы и пр., а я до всего этого большой охотник...”.

А через четыре месяца после отправки этого письма, для генерала Корнилова заканчивается мирная жизнь - 1 августа 1914 года началась Первая мировая война.

Глава одиннадцатая

Война

19 июля 1914 года Германия объявляет войну России и генерал-майор Корнилов, в соответствии с мобилизационным предписанием отправляется на Юго-Западный фронт. Путь оказывается долгим - от Тихого океана до Карпат. На театр военных действий Лавр Георгиевич прибывает только в августе, и вступает в командование 1-й стрелковой бригадой 49-й пехотной дивизии, входившей вместе с 48-й дивизией в состав XXIV армейского корпуса 8-й армии Юго-Западного фронта генерала Брусилова.

В середине августа войска фронта наступают на Львов. Бригада Корнилова принимает активное участие в захвате Галича, сильно укрепленного узла обороны противника. За личное мужество и умелое руководство бригадой в сражениях под Львовом и Галичем Корнилов награждается орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.

25 августа Корнилов становится во главе 48-й дивизии, названной впоследствии «Стальной». Вот, что об этом, в своих воспоминаниях пишет Алексей Алексеевич Брусилов: «Корнилова я узнал в 1914 году при прибытии XXIV корпуса во вверенную мне армию. Он состоял командиром бригады, но тут же в начале военных действий, по ходатайству командира корпуса Цурикова, был мною назначен командующим 48-й пехотной дивизии. Это был очень смелый человек, решивший, очевидно, составить себе имя во время войны. Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчета в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость».

А.А. Брусилов

Во многих операциях армии Брусилова отличилась именно 48-я дивизия. Так, например, в ноябре 1914 года в ночном бою при Такошанах группа добровольцев под командованием Корнилова прорвала позиции неприятеля и, несмотря на свою малочисленность, захватила 1200 пленных, включая генерала Рафта, настолько потрясённого этой дерзкой вылазкой, что дало ему повод впоследствии сказать: «Корнилов — не человек, стихия».

Вскоре после этого в ходе Лимановского сражения «Стальная» дивизия, перебрасываемая на самые тяжёлые участки фронта, разбила неприятеля в боях под Гоголевым и Варжише и дошла до Карпат, где заняла Крепну. В январе 1915-го года 48-я дивизия заняла главный карпатский гребень на линии Альзопагон — Фельзадор, а в феврале Лавр Георгиевич был произведён в генерал-лейтенанты и его имя получило широкую известность в армейской среде.

Одной из самых блестящих операций, которую осуществил во время войны Корнилов, было взятие городка Зборо, который австрийцы считали неприступным. Кроме природной труднодоступности, городок был защищён проволочными заграждениями, рядами глубоких окопов, укреплёнными огневыми точками. Взятие этой крепости являлось чрезвычайно важной целью, ибо через Зборо лежала единственная дорога для развития

дальнейшего наступления. В лоб крепость взять было невозможно, поэтому Корнилов не спешит. Он тщательно готовит предстоящий штурм. Ежедневно, с наблюдательного пункта, рассматривает неприятельские укрепления, отмечает на карте новые данные, присутствует на допросах пленных австрийцев. Наконец план готов. В назначенный час артиллерия ураганом обрушивается на неприступную высоту, и пехота с криком “Ура” идёт на приступ. В полном соответствии с суворовским учением главные силы русских, неожиданно для австрийцев, появляются с другой стороны: обойдя высоту, они незаметно подходят к намеченному месту и атакуют врага. В рядах противника паника, переходящая в беспорядочное бегство. Зборо был взят и дорога на Венгрию открыта.

Л.Г. Корнилов на наблюдательном пункте

К сожалению, этот успех не был развит. Войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Иванова не сумели правильно использовать имевшиеся резервы, и перед русской группировкой в Карпатах возникла угроза быть отрезанной от основных сил. Противник вновь переходит в наступление, и под угрозой окружения генерал Цуриков отдаёт приказ об отступлении. “Стальной” дивизии отводится роль щита, который должен был прикрыть отход.

В страшных, кровопролитных боях у реки Дукла только один Ларго-Кагульский полк и батальон Очаковского полка смогли вырваться из окружения, сохранив все знамёна дивизии. Корнилов, верный себе, взяв на себя командование одним из батальонов, остаётся прикрывать отход уцелевших частей. “Стоять до конца” – отдаёт приказ комдив. Необходимо было, как можно дольше сдерживать атаки противника, чтобы основные силы смогли вырваться из окружения. Позже, в своём отчете, Лавр Георгиевич отмечал: “полки дивизии отбивались на все стороны, имея целью возможно дороже отдать свою жизнь и свято выполнить свой долг перед Родиной. 48-я пехотная дивизия своей гибелью создала благополучный отход тыловых учреждений 24-го корпуса, частей 12-го корпуса и соседних с ним частей 8-й армии”. Дивизия полностью оправдала своё стальное название. От батальона в живых осталось семь человек – пятеро солдат, санитар и сам генерал дважды раненый в руку и в ногу.

Об этих боях у Корнилова осталась на память необычная вещь. Его подчиненный, полковник Рымникского полка, подарил ему дубовую палку, на изгибе которой были вырезаны слова: «Орлиное гнездо. 29 апреля 1915 г.». Корнилов, опираясь на этот подарок, проходил до конца своих дней.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов высоко оценил подвиг “Стальной” дивизии, направив Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу ходатайство “о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48-й дивизии и, особенно её героя, начальника дивизии генерала Корнилова. 28-го апреля 1915-го года Государь подписывает указ о награждении Корнилова орденом Святого Георгия 3-й степени.

Но Лавр Георгиевич узнает о награждении значительно позднее. Вместе с уцелевшими товарищами он четверо суток пытается выйти к своим. Не удалось. Израненных, обессиленных их взяли прочёсывающие лес австрийцы.

Глава двенадцатая

Плен

В плену Корнилов содержится со всеми положенными ему по чину почестями. В начале его помещают в элитный лагерь для высших и старших офицеров — замок Нейгенбах, расположенный недалеко от столицы Австрии. Вынужденное бездействие сильно тяготило Лавра Георгиевича. Энергичная натура требовала дела, борьбы, и мысль о побеге целиком захватила его. Первая попытка бежать, захватив аэроплан, закончилась неудачей и в ноябре 1915 года Корнилова переводят в замок князя Эстергази в селении Лека, который охранялся гораздо строже.

Главнокомандующий Венгерской Армии Эрцгерцог Гусиф Габсбургский разговаривает с пленным Генералом Корниловым (с редкого снимка, сделанного в бытность его в Австро-Венгерском плену)

Ген. Корнилов в Австро-Венгерском плену

Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов в австрийском плену. На первой фотографии с главнокомандующим Венгерской армии Эрцгерцогом Иосифом Габсбургским

Здесь Корнилов встречает своего бывшего начальника по Заамурскому округу пограничной стражи генерал-лейтенанта Мартынова, который попал в плен в самом начале войны. Несмотря на печальные обстоятельства встреча двух генералов была радостной. Они хорошо узнали друг друга по годам совместной службы и весной 1916 года пытаются вместе совершить побег. Главное было найти надёжные документы, что без посторонней помощи сделать было невозможно. “Следовательно, — вспоминал позже генерал

Мартынов, — прежде всего необходимо было найти сообщника из местных жителей, который раздобыл бы нужные документы и, по возможности, доставил бы беглецов до границы”. Выбор пал на кастеляна замка, славящегося своей жадностью. Ему, Мартыновым, было обещано 20 тысяч крон золотом, как только они доберутся до России. Но то ли тот не поверил русским, то ли страх пересилил жадность, но кастелян доложил обо всём начальству. Комнату Мартынова обыскали и нашли штатский костюм. Имя же Корнилова осталось в стороне, поскольку о нём кастелян попросту не знал. После этого надзор за пленными стал особенно тщательным.

К пленным высшим офицерам отношение было самое почтительное. Они получали хорошую еду, необходимую медицинскую помощь, возможность делать покупки и даже иметь денщиков и ординарцев. Можно было получить и возможность свободного передвижения по городу, подписав согласие о дальнейшем неучастии в войне до её окончания. Корнилову также была предложена бóльшая свобода при условии, что он даст честное слово не пытаться больше бежать. Пленный генерал резко отказал и просил впредь не делать ему таких предложений.

Вскоре у Корнилова возникает новый план. Он практически перестаёт спать и есть, пьёт крепчайший чай, добиваясь тем самым учащённого сердцебиения. Целью этого самоистязания был перевод в другой лагерь и через две недели она была достигнута - его переводят в лагерь-госпиталь в городке Кесег.

В день прибытия туда Корнилова перед охраной был зачитан приказ, где говорилось: “Военное командование видит в генерале Корнилове человека в высшей степени энергичного и твёрдого, решившегося на всё, и убеждено, что онный от замысла побега не откажется, болезнь лишь симулирует, дабы легче повторить попытку бегства. Бесспорно, что в случае удачного побега в настоящее время державы нашли бы в нём серьёзного, военным опытом богатого противника, который все свои способности и полученные в плену сведения использовал бы для блага России и вообще наших врагов. Обязанность каждого этому воспрепятствовать. Высшее военное командование приказывает генерала Корнилова, хотя и тайно, но строго охранять, каждое сношение с кем-либо запрещать, в случае попытки побега, воспрепятствовать этому любой ценой”. В заключении сообщалось, что всякий, кто решится способствовать побегу Корнилова, будет караться смертной казнью.

Глава тринадцатая

Побег

На счастье Лавра Георгиевича, помощником аптекаря в лагере, служил чешский патриот Франтишек Мрняк. Именно он стал тем человеком, который помог бежать русскому генералу.

“Я старался себе представить тот переполох, — вспоминал в 1928 году Мрняк, — если бы мы с ген. Корниловым сделали прогулку за границу. Это была только фантазия (ведь Корнилова здесь еще не было), но фантазия такая, которая в точности согласовалась с моим прежним желанием уйти, как можно дальше, из страны рабства туда... где за свободу славянских народов проливают кровь и жертвуют жизнью”.

В лагере Корнилов содержится в так называемом «офицерском павильоне», на втором этаже. Вестовым у генерала служит Дмитрий Цесарский, по словам Мартынова «человек очень ловкий, и как говорят, служивший до войны в одесской охранке». Мрняк, тем временем, делает всё для того, чтобы встретиться с пленным генералом. Наконец ему это удаётся. По предписанию доктора Гутковского, также военнопленного, он доставляет Корнилову лекарство – веронал.

Лавр Георгиевич, приняв пилюли, недоверчиво посмотрел на чеха и сказал: — До меня дошел слух, что вы слишком заметно интересуетесь моей особой и участью. Советую вам вовремя это оставить. Иначе вы будете иметь крупные неприятности. Я знаю

австрийские законы и знаю, что вас ожидает. Будьте поэтому осторожны и не подвергайте себя опасности.

На что Франтишек ответил, что будет счастлив помочь генералу в побеге. Помолчав Корнилов, сказал:

– Если вы хотите действительно быть мне помощником в этом деле, Вам за это будет обязана ваша страна и будет благодарить ваш народ. Если бы Вас постигло несчастье, я постарался бы помочь вашим родным, а я благодарю Вас, как Вам будет благодарна вся Россия.

С этими словами Корнилов обнял и поцеловал Мрняка.

Теперь дело оставалось за малым — разработать план побега и претворить его в жизнь.

Первым делом необходимо было раздобыть настоящие документы. Мрняк покупает в лавке два чистых бланка отпускных удостоверений, а затем воспользовавшись отсутствием в канцелярии дежурных унтер-офицеров (они ушли обедать) ставит на бланки печать и заполняет их - один для Корнилова на имя Штепана Латковича, другой для себя — на имя Иштвана Нэмета. И на всякий случай мастерит, используя половинку листа с настоящей печатью, удостоверение, в котором говорится, что военному полицейскому Иштвану Нэмету поручается розыск бежавших военнопленных.

Вопрос с документами был решён, осталось наметить маршрут. Решили, что нужно поездом добраться до города Карансебеш, а оттуда пешком перейти румынскую границу. Из одежды Мрняк приобрёл два не новых штатских костюма, кроме того в арсенале беглецов были: два ранца, револьвер, бинокль, карта, компас и электрический фонарик. Решив, что всё готово, дату побега назначили на 11 августа.

И вот этот день настал. Переодевшись в штатское Лавр Георгиевич в сопровождении чеха покидает лагерь. Чтобы скрыть побег денщик Корнилова ложится в его кровать и укрывшись с головой, изображает спящего. Доктор Гутковский, в свою очередь, сославшись на ухудшение здоровья генерала запрещает всякие посещения больного.

Лишь через несколько дней побег был обнаружен и то благодаря случайности. В лагере скончался русский пленный офицер и Лавр Георгиевич не мог не присутствовать на отпевании. Отсутствие Корнилова на церемонии вызвало подозрение и раскрыло побег. К тому же Мрняк перед уходом написал отцу письмо и в спешке позабыл его отправить. Оно было найдено при обыске.

Но к этому времени беглецы уже достигли Карансебаши и начали пеший путь в горы. Продовольствие, припасённое заранее, закончилось, беглецы стали питаться ягодами и кореньями. Мрняк, измученный голодом, решил зайти в ближайший населённый пункт, чтобы раздобыть еды, а Корнилов остался в лесу. Чеху не повезло, едва войдя в село он был схвачен жандармами.

Австрийцы, тут же начали прочёсывать местность, но Лавр Георгиевич смог от погони уйти. Несколько дней он скрывался в шалаше сочувствующего русским пастуха, который и довел его до границы, а также указал наиболее удобный участок для ее перехода.

В ночь 18 августа Корнилов переходит австро-румынскую границу и уже не скрываясь продолжает путь на Родину. 22 августа в румынском городке Дробета – Турну - Северин генерала-беглеца принимает российский военный агент Сергей Модестович Ратманов. Интересные сюрпризы преподносит иногда судьба – через полтора года тот же Ратманов станет свидетелем последних минут Корнилова.

Плен, который длился для Лавра Георгиевича 1 год, 3 месяца и 19 дней благополучно закончился. Судьба же другого участника побега сложилась менее счастливо. Франтишека Мрняка судили военным судом и приговорили к смертной казни через повешение, но позже наказание было заменено 25-летним тюремным сроком.

Корнилов, мгновенно ставший самым популярным военачальником России, возвращается на Родину героем и вновь становится в строй, не подозревая своей дальнейшей судьбы, в которой его ждали сначала триумф, а затем трагедия.

Глава четырнадцатая **Снова фронт**

По приезде в Петроград, Корнилов сразу становится, как сказали бы сейчас, «медийной фигурой». О нём пишут все газеты, причём обстоятельства побега приукрашиваются, «ужасы плена» преувеличиваются. Многочисленные репортёры берут у Лавра Георгиевича интервью, его портреты печатаются в иллюстрированных журналах, юнкера его родного Михайловского училища чествуют героя, сочиняя в его честь стихи.

Встреча Л. Г. Корнилова на Петроградском вокзале

Сам же Лавр Георгиевич в письме сестре 1 ноября 1916 года, пишет: «подробности своего бегства не буду описывать; из газет ты кое-что знаешь, хотя ввали они невозможным образом. Бог даст, когда-нибудь встретимся, тогда расскажу. Хочу только сказать, что во время войны, плена и бегства я на практике убедился, что бывают в жизни человека такие минуты, когда только чудо и помощь Божия выводят его из неминуемой гибели. Такие минуты у меня были...»

26 ноября (здесь и далее по ст.ст.) 1916 года в праздник Георгиевских кавалеров казаки Каркаралинской станицы отправляют наказному атаману Николаю Александровичу Сухомлинову телеграмму со следующей просьбой: «В ознаменование великих заслуг героя, уроженца Каркаралинской станицы, перед горячо любимым Монархом и Родиной, дабы запечатлеть на веки потомству память о нем родных станичников, единогласно решили генерал-лейтенанта Лавра Георгиевича Корнилова, бывшего начальника славной 48-й пехотной дивизии, просить взять на себя звание почетного казака родной ему станицы Каркаралинской, а также позволить нам наименовать бывшее двухклассное, ныне высшее начальное Каркаралинское училище, в котором воспитывался герой-генерал, именем генерала Лавра Корнилова. В ознаменование настоящего Праздника усердно просим Ваше Высокопреосвященство нашу просьбу довести до Его Превосходительства Лавра Георгиевича Корнилова телеграфно».

Лавр Георгиевич удостоивается личной аудиенции с Императором, в Ставке в Могилеве, где получает знаки ордена Св. Георгия 3-й степени.

Наконец Корнилов встречается с семьей, которую не видел два с лишним года. Встреча, впрочем, длилась недолго, всего два дня. Несмотря на предоставленный ему

трёхмесячный отпуск, он снова отбывает на фронт, получив назначение на командование 25-м армейским корпусом, в составе Особой армии, основу которой составляли гвардейские полки. В письме к сестре он пишет: "...Таиса очень расстроила свое здоровье..., она мечтает приобрести хутор, дачу, вообще какой-нибудь уголок на юге, я всей душой сочувствую ее намерениям, но, к сожалению, сам не могу заняться этим делом. Я с 19 сентября вступил в командование Корпусом, и успел уже три раза подражаться с немцами. Собираюсь в скором времени поехать, если обстоятельства позволят, в кратковременный отпуск и немного отдохнуть..."

Едва прибыв на новое место службы, Корнилов начинает оперативную разработку плана наступления на хорошо укрепленные позиции австро-германской пехоты под Ковелем. Необходимо было развить успех «Брусиловского прорыва», а корпус Корнилова оказался на самом острие удара. Наступление началось 19 сентября, но больших результатов не принесло. К ноябрю 1916 года, части 25-го корпуса, потеряв в жесточайших боях почти половину личного состава, «зарылись в землю», перейдя к позиционной войне.

Судьбоносный 1917 год начался для Лавра Георгиевича в заботах о подготовке к весеннему наступлению. Однако командующему корпусом не доведётся повести своих солдат в бой. В феврале в Петрограде происходит революция, царь отрекается от престола и создаётся Временное правительство во главе с Керенским.

2 марта по просьбе председателя Государственной думы Михаила Владимировича Родзянко, Николай II, одновременно с отречением от престола, подписывает приказ о назначении генерала Л. Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом.

Безусловно, по своим политическим предпочтениям, Лавр Георгиевич был больше республиканцем, чем монархистом. Об этом в частности можно прочесть в воспоминаниях политического деятеля того времени Владимира Бенедиктовича Станкевича: «В исполнительном комитете он говорил, что является противником царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и «народу» вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из вон рук плох и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

Следует заметить, что генерал Алексеев, согласно повеления Государя Императора, в приказе по армии № 334 писал лишь о «временном Главкомандовании Войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта Корнилова». Для самого Корнилова новое назначение явилось неожиданным. Отказаться от него было невозможно ни с точки зрения военной дисциплины, ни с точки зрения присущего генералу честолюбия.

Глава пятнадцатая

По бурным перекатам Революции

В новой должности, первый «революционный» командующий Петроградским военным округом начал с «акции», о которой он никогда не любил вспоминать, но которую ему не могли потом простить монархисты. 8 марта Корнилов в сопровождении группы офицеров своего штаба прибыл в Царское Село и арестовал императрицу Александру Федоровну, Великих Княжён, и Наследника Цесаревича. Несмотря на то, что командующий округом выполнял приказ военного министра Гучкова, монархические круги создали впоследствии миф о «несмываемом позоре клятвопреступления», «смертном грехе предательства» Лавра Георгиевича.

Необходимо отметить, что решение об аресте и суде над Царской Семьей принимало не Временное правительство, а претендовавший на власть, «самочинно возникший»

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Под его давлением Временное правительство согласилось на «домашний арест» Царской Семьи (Петросовет требовал тюремного заключения).

Сам Корнилов глубоко переживал выполнение выпавшей на него тяжелой обязанности. По воспоминаниям полковника Сергея Николаевича Ряснянского, соратника Корнилова по Белому движению, генерал «в кругу только самых близких лиц поделился о том, с каким тяжелым чувством он должен был, во исполнение приказа Временного правительства, сообщить Государыне об аресте всей Царской Семьи. Это был один из самых тяжелых дней его жизни...».

Обратимся к воспоминаниям современников. Вот, что в своих мемуарах пишет об этом эпизоде А. И. Деникин: “7 марта Временное правительство постановило "признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село". Выполнение этого постановления в отношении императрицы возложено было на генерала Корнилова, что впоследствии не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Как странно: Александра Федоровна после объявления ей об аресте, высказала удовлетворение, что это было сделано славным генералом Корниловым, а не кем-либо из членов нового правительства...”

Аналогичного мнения, причём основанного на изучении многочисленных источников высказывает А. А. Керсновский. В своём капитальном 4-х томном труде “История Русской армии”, он пишет: “9 марта вся царская семья была арестована. Временное правительство предписало произвести этот арест командовавшему войсками Петроградского военного округа генералу Корнилову. Люди, бросившие своего Государя на произвол врагов и сами попрятавшиеся, впоследствии (сохранив свою жизнь благодаря корниловским добровольцам) не могли этого простить Корнилову и всячески чернили его память. Совсем иначе относились к генералу Корнилову царственные узники. Государыня была довольна, что арест был поручен не кому-нибудь, а известному всем герою войны, и сказала начальнику охраны полковнику Кобылинскому, что Корнилов вел себя в эти дни, как настоящий верноподданный. В конце июля, по назначении Корнилова Верховным главнокомандующим, Государь говорил Кобылинскому: Спасение России от анархии, спасение имени России на дрогнувшем фронте зависит только от Корнилова. Мы все молимся ежедневно, чтобы Господь помог ему довести предпринятое дело оздоровления до конца. Из тобольского заточения Государь Николай Александрович послал в сентябре арестованному Корнилову свое благословение. О нем Корнилов вспоминал в Ледяном походе в беседе с гвардии капитаном Булыгиным: После ареста Государыни я сказал своим близким, что в случае восстановления монархии мне, Корнилову, в России не жить. Это я сказал, учитывая, что придворная камарилья, бросившая Государя, соберется вновь. Но сейчас, как слышно, многие из них уже расстреляны, другие стали предателями. Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я — казак. Казак настоящий не может не быть монархистом...”

Обвинения же в клятвопреступлении Лавра Георгиевича вообще бессмысленны, поскольку своим отречением Государь Император освободил своих подданных от прежней присяги. И, повторюсь, Корнилов никогда не был фанатичным монархистом. Адьютант Корниловского ударного полка поручик князь Николай Александрович Ухтомский так писал о своем командире: “Проведя большую часть своей сознательной жизни на окраинах России, в борьбе за ее величие, счастье и славу, ему некогда было размышлять о преимуществах того или иного политического строя. Генерал Корнилов был государстволюбцем, для которого понятие «Россия» имело мистическое, почти божественное значение. Он служил монархии, Романовым, - лишь постольку, поскольку царь олицетворял для него идею Великой России”.

Новая должность потребовала от Корнилова новых качеств, - качеств публичного политика. Лавр Георгиевич принимает парады, выступает на митингах, проверяет условия службы запасных батальонов, награждает отличившихся Георгиевскими крестами.

Командующий Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов принимает парад

История одного такого награждения стала ещё одним мифом в биографии Корнилова. Речь идёт о награждении унтер – офицера Кирпичникова, - «солдата революции номер один», как с присущим ему пафосом назовёт того Керенский. Кирпичников, якобы застрелил своего командира, начальника учебной команды Волынского полка капитана Лашкевича и именно за это был отмечен высокой наградой. Но, факты свидетельствуют о другом. Приказом по округу N 120 от 1 апреля 1917 года унтер-офицер Тимофей Кирпичников был награждён Георгиевским крестом 4-й степени «за то, что 27 февраля, став во главе учебной команды батальона, первым начал борьбу за свободу народа и создание Нового Строя, и несмотря на ружейный и пулеметный огонь в районе казарм 6-го запасного Саперного батальона и Литейного моста, примером личной храбрости увлек за собой солдат своего батальона и захватил пулеметы у полиции».

А настоящий убийца Лашкевича так и остался неизвестен.

По свидетельству исполняющего должность Дежурного Генерала Главного Штаба генерал-лейтенанта Архангельского, офицера убил «один из вольноопределяющихся» выстрелом в спину с чердака казармы. Но миф оказался живучим - “предатель” Корнилов, с удовольствием арестовал Царскую Семью, а потом еще и наградил убийцу.

После Февральской революции в России воцарилось двоевластие. Корнилов, воспитанный на твердом исполнении армейской дисциплины, жёсткой субординации, совершенно не понимал почему один и тот же военный приказ нужно согласовывать и с Временным правительством и с совершенно непонятным для него Советом рабочих и солдатских депутатов. Конфликт был неизбежен, и он произошёл. 7 марта, во время работы комиссии по подготовке реформ в армии, под руководством бывшего военного министра, генерала от инфантерии Алексея Андреевича Поливанова, Корнилов

потребовал вывести из Петрограда разложившийся столичный гарнизон и заменить его частями с фронта. Однако представители Совета заявили о недопустимости таких требований.

Второй конфликт произошел 20-21 апреля, во время правительственного кризиса, когда в ответ на «ноту Милюкова» о продолжении войны и верности союзническим обязательствам, в Петрограде начались массовые антивоенные демонстрации. Необходимо было срочно наводить порядок. Однако попытки военного министра Гучкова и командующего округом Корнилова вывести верные правительству части на Дворцовую площадь встретили резкое противодействие Петросовета. Председатель совета Чхеидзе официально объявил, что «только Исполнительному Комитету принадлежит право устанавливать порядок вызова воинских частей на улицу...». Возмущенный Корнилов заявил, что «таковым обращением Исполком принимает на себя функции правительственной власти», а при таких условиях он «не может принять на себя ответственность ни за спокойствие в столице, ни за порядок в войсках» и «просит об освобождении от должности».

Уходит со своего поста и Гучков, но до своей отставки он собирается перевести Корнилова на должность Главнокомандующего Северным фронтом, однако неожиданно против выступил Верховный Главнокомандующий генерал Алексеев, сославшись на недостаточный командный стаж Корнилова и «неудобство обходить старших начальников – более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерала А. Драгомирова». Алексеев пригрозил подать в отставку, если это назначение состоится. В результате Корнилов получает командование 8-й армией Юго-Западного фронта, в составе которой он и начинал войну. Бунтующий Петроград остаётся позади, впереди Лавра Георгиевича вновь ждал фронт.

Глава шестнадцатая

Снова фронт

Корнилов вступает в командование армией, в которую уже проникли бактерии разложения. Большевики и некоторые другие левые партии, делают всё, чтобы подогреть неприязнь солдат к офицерству. В армейских подразделениях появляются солдатские комитеты, пытающиеся взять контроль над принятием оперативных решений, активно распространяется пропагандистская литература. В результате солдаты отказываются выполнять приказы командования. На передовой начинается братание с противником. Немцы, а инициатива таких контактов исходила чаще всего от них, обставляли эти замирения как праздники - с оркестрами и угощением.

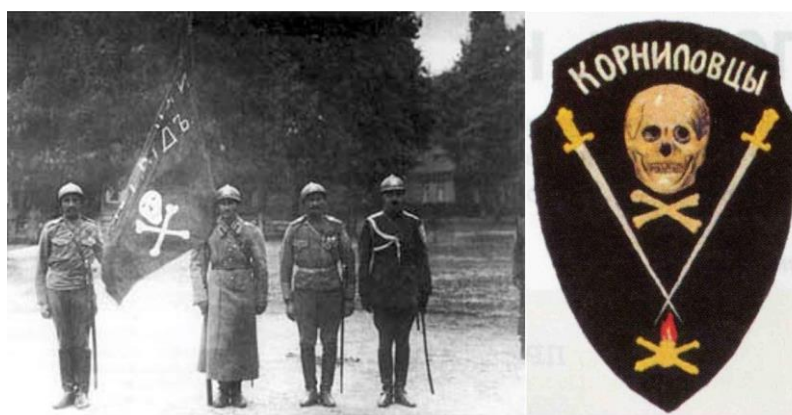
Большая часть офицеров, в этой обстановке, попросту растерялась. Некоторые пытались заигрывать с солдатами, а кто-то просто самоустранился.

В такой очень непростой ситуации принимает армию новый командующий.

Вот, что вспоминает офицер разведывательного отдела штаба 8-й армии капитан Митрофан Осипович Неженцев: «Знакомство нового командующего с личным составом началось с того, что построенные части резерва устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления указывали на ненужность продолжения “буржуазной» войны, ведомой “милитарищиками”... Когда генерал Корнилов, после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, какую вряд ли мог предвидеть любой воин эпохи. Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разъединялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями... Появление генерала Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией. За ними стояло несколько прусских солдат... Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: “Я был бы бесконечно счастлив – быть может хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание”.

Вот в таком кошмаре ставка готовила летнее наступление. Как пишет Керсновский: “Ни одна армия в мире не могла бы не то что воевать, но просто существовать в тех условиях, в которых русская армия готовилась еще наступать!” Датой начала наступления было определено 10 июня для Юго-Западного фронта, 15-е — для остальных. Юго-Западному фронту ставилось задачей нанести поражение австро-венгерским армиям на путях ко Львову. Остальные фронты должны были способствовать этому главному удару ведением вспомогательных операций: Северный — на Вилейку, Западный — на Сморгонь — Крево. Румынский фронт должен был наступать в первой половине июля по окончании реорганизации румынских войск. Однако, из-за постоянных митингах солдат, наступление всё время отодвигалось.

Для предстоящего наступления нужно было усилить атакующие части и, когда через несколько дней после вступления Корнилова в командование на его стол легла записка Мезенцева с предложением создания ударного полка, Лавр Георгиевич поддержал эту инициативу.

Первое знамя корниловского полка и нарукавная нашивка

В конце мая началось формирование 1-го Ударного отряда при 8-й армии, названного впоследствии “корниловским”. Отряд должен был своим примером внести перелом в пораженческие настроения на фронте. Бойцы Ударного отряда с чёрно-красными погонами, с черепом и скрещёнными мечами на рукаве, в стальных касках, одним своим видом должны были наводить страх на “разложенцев”. Это была своего рода преторианская гвардия командующего.

Такую же роль стал играть и Текинский конный полк, состоящий в основном из туркмен-текинцев. В белых папахах, малиновых халатах, с огромными кинжалами на поясе, они имели весьма грозный вид. Своего командующего текинцы называли “Уллуг Бояр” - что означало “Великий воин”.

Текинский полк

Но, кроме военного, требовалось и политическое руководство армией. В связи с этим, большое значение приобретали должности комиссаров Временного правительства, появившиеся после февральской революции. Комиссаром 8-й армии был эсер, штабс-капитан Максимилиан Максимилианович Филоненко. Вскоре ему и его коллеге - комиссару Юго-Западного фронта Борису Савинкову предстояло сыграть роль своеобразных посредников между Керенским и Корниловым.

18 июня началось последнее наступление русской армии в этой войне. 8-я армия вступила в бой 25 июня, после того, как основные силы прорвали фронт врага. Корнилов, в течении последующих двух дней разгромил части 7-й австро-венгерской армии и занял Галич. Тот самый Галич, где его дивизия сражалась в начале войны. Особенно отличился Ударный полк, потерявший в боях почти половину своего состава. За этот подвиг сотни солдат и офицеров были награждены Георгиевскими Знаками отличия и орденами, а сам Корнилов получил звание генерала от инфантерии. Однако дальнейшее наступление развить не смогли. Потери были огромны и срочно требовались резервы, которых не было. Тем не менее, очевидный успех наступления “корниловской” армии произвёл впечатление. Представлялось возможным активизация всего Юго-Западного фронта. Филоненко и Савинков телеграфируют Керенскому о необходимости назначения Корнилова на должность командующего всем Юго-Западным фронтом. В результате, вопреки возражениям генерала Брусилова, Керенский 10 июля утвердил назначение Корнилова на эту должность.

Но, несмотря на титанические усилия командующего фронтом, наступление провалилось. Части 7-й и 11-й армии, практически безо всякого давления со стороны противника начали отходить назад. Солдатские комитеты принимают решения об отходе в тыл. Этим тотчас воспользовался противник и 6 июля нанёс мощный контрудар под Тарнополем. Это и решило исход кампании 1917 года. Отступление 11-й, а затем и 7-й армии превратилось в бегство. Худшие опасения Корнилова подтвердились. “Армия обезумевших темных людей, не огражденных властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную

жестокость ничем не сдерживаемых масс... Смертная казнь спасет многие невинные жизни, ценой гибели многих изменников, предателей и трусов...". Это из телеграммы Корнилова Керенскому отправленной 11 июля.

Чтобы спасти положение, навести элементарный порядок, необходимо было принимать жесточайшие меры - введение смертной казни в отношении дезертиров и мародеров, возвращение единоначалия в армию, упразднения солдатских комитетов.

После «тарнопольского прорыва» слава Брусилова несколько померкла, и встал вопрос о новом Верховном Главнокомандующем. Савинков выдвигает кандидатуру Корнилова и 18 июля, пробыв в должности командующего фронтом всего неделю, Лавр Георгиевич вступает в должность Верховного Главнокомандующего Русской армии.

Л.Г. Корнилов и Б.В. Савинков

“Отношение генерала Корнилова к вопросу о смертной казни... его ясное понимание причин Тарнопольского разгрома, его хладнокровие в самые трудные и тяжкие дни, его твердость в борьбе с “большевизмом”, наконец, его примерное гражданское мужество, поселили во мне чувство глубокого к нему уважения и укрепили уверенность, что именно генерал Корнилов призван реорганизовать нашу армию...Я был счастлив этим назначением. Дело возрождения русской армии вручалось человеку, непреклонная воля которого и прямота действий служила залогом успеха...” - так характеризовал Корнилова Савинков.

Глава семнадцатая

Предательство

Вступив в должность, Корнилов начинает работать над законопроектом по устройству армии. 3 августа он самовольно прибывает в Петроград, чтобы лично доложить Временному правительству о положении на фронте.

В зимнем дворце Верховный главнокомандующий встречается с Керенским и передаёт тому доклад с изложением программы, которую, на его взгляд, необходимо было выполнить. В частности, там говорилось: “Временное правительство должно признать свою вину в унижении, оскорблении, и лишении прав офицерского состава, во-вторых, оно должно передать функцию военного законотворчества в руки Верховного главнокомандующего, в-третьих, “...изгнать из армии всякую политику, уничтожить право

митингов...отменить декларацию прав солдата, распустить войсковые комитеты, отозвать комиссаров”.

По этому вопросу было созвано заседание, которое ярко описал Савинков. “Керенский сидел в обычной позе с рукой за бортом френча, Авксентьев ерошил рукой волосы, а министр земледелия Чернов чистил нос”.

Взаимопонимание с правительством Лавр Георгиевич не встретил. Пробыв столице сутки и определив там обстановку как враждебную, он возвращается в Ставку. Требования, Корнилова, однако, просочились в прессу. Левые газеты, почувствовав для себя угрозу, развернули против Главкома шумную кампанию.

12-15 августа в Москве состоялось Государственное совещание, на котором, несмотря на сопротивление Керенского выступил Корнилов. Лавр Георгиевич предъявляет Временному правительству требования, названные впоследствии “Корниловская военная программа”.

Московское Государственное совещание. Август 1917 г.

Верховный главнокомандующий указал на катастрофическое положение на фронте, на губительное действие на солдатские массы законодательных мер, предпринимаемых Временным Правительством, на продолжающуюся разрушительную пропаганду большевиков, сеющую в Армии и стране анархию.

Керенский, сосредоточивший к тому времени в своих руках фактически всю правительственную власть, прекрасно понимал, что только жёсткие меры, предложенные Корниловым, могли ещё спасти Россию от падения в бездну, и установить, в конце концов, порядок в стране. Но для этого нужно было поступиться властью, а добровольно отдать её даже ради блага России Керенский не хотел.

Судьбе было угодно, чтобы в это переломное для страны время, судьба её находилась в руках двух, по сути, туркестанцев. Керенский вырос в Ташкенте и закончил там гимназию, а Корнилов многие годы прослужил в этом городе и крае. Но, несмотря на это между министром-председателем и Верховным главнокомандующим установилась прочная антипатия и они не стеснясь высказывали своё враждебное отношение друг к другу.

А дальше произошло то, что я бы назвал провокацией Керенского, хотя в историю это событие вошло под названием “Корниловский мятеж”.

20 августа Керенский, по предложению Корнилова и докладу Савинкова, соглашается на “объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, т. е. для борьбы с большевиками”

А.Ф Керенский

25 августа, в полном соответствии с распоряжением правительства, в Петроград направляется 3-й конный корпус и Туземная («Дикая») дивизия под командованием генерал-лейтенанта А.М. Крымова. Одновременно из Финляндии на Петроград движется 1-й кавалерийский корпус генерал-майора А.Н. Долгорукова. Корнилов приглашает Керенского в Ставку, чтобы лично договориться с ним о всех необходимых подробностях предполагаемого государственного устройства. Но главноуправляющий попросту испугался. Керенский к этому времени стал малодушно сожалеть о своей договорённости с с генералом. Он уклонился от поездки в Ставку и послал для переговоров с Корнилова абсолютно случайного человека — обер-прокурора Синода Владимира Львова, давно слывшего у всей притчи во языцех своей сумбурной бестолковостью и безмерной фантазией. Казалось, Керенский искал предлога, чтобы порвать с одиозной военщиной.

Львов прибыл в Ставку 24 августа. Генерал Корнилов заявил ему, что необходимо учреждение диктатуры при обязательном участии Керенского и что он, Корнилов, готов подчиниться кому укажут.

Вернувшись 26 августа в Петроград, Владимир Львов неожиданно заявил Керенскому, что Корнилов требует себе всю верховную власть — как военную, так и гражданскую, что он не верит Керенскому и Савинкову и не ручается за их жизнь. Перед испуганным Александром Фёдоровичем встал выбор: с кем быть дальше. К сожалению, интересы государства всегда были у Керенского на третьем месте (сразу после личных и партийных). Сейчас они окончательно перестали для него существовать.

Керенский вызвал Корнилова по прямому проводу и спросил его, верно ли то, что передал ему Львов, нарочно не поясняя, что именно тот сказал. Далекий от мысли о

провокации, генерал Корнилов лаконически ответил, что правда, не догадавшись уточнить, что именно передал Львов. Тогда Керенский приказал Корнилову сложить с себя звание Верховного главнокомандующего. Ошеломленный Корнилов отказался сойти со своего ответственного поста. Сношения Петрограда с Могилевом были прерваны.

Керенский прекрасно знал, что Львов большой выдумщик и к тому же психически неадекватен. Тем не менее он в полной мере воспользовался фантазиями бывшего депутата. Вот, что пишет в своих воспоминаниях сам Керенский: “Было необходимо доказать немедленно формальную связь между Львовым и Корниловым настолько ясно, чтобы Временное правительство было в состоянии принять решительные меры в тот же вечер... заставив Львова повторить в присутствии третьего лица весь его разговор со мной”.

С этой целью был приглашен помощник начальника милиции Булавинский, которого Керенский спрятал за занавеской (какая-то шекспировская сцена) в своем кабинете и заставил Львова повторить, всё что тот ему говорил от имени Корнилова.

27 августа вся Россия была потрясена манифестом Временного правительства, объявившего генерала Корнилова вне закона. В этом манифесте Керенский назвал героя России изменником... Интересно, что когда в июле ему были представлены доказательства что руководство большевиков являются немецкими агентами, то Керенский Ленина изменником не называл. В сообщении министра-председателя о мятеже было сказано: “26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты военной и гражданской власти, с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной”. Корнилов не остался в долгу, заклеив в своем воззвании всё Временное правительство немецкими наемниками. В “Воззвании к казакам”, в частности, говорилось: “Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, клянусь довести народ, путем победы над врагом, до Учредительного собрания”. Воззвание также обвиняло Временное правительство “в нерешительности действия, в неумении, неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны”.

Однако широкой поддержки в войсках Корнилов не получил. Генерал Деникин считал это воззвание ошибкой, так как из всего состава Временного правительства один Чернов мог по справедливости считаться немецким наемником. Враждебно к Корнилову относились только Керенский, Чернов и Некрасов. Остальных Корнилову не следовало от себя отталкивать.

Керенский приказал военачальникам не подчиняться мятежному Верховному, а войскам не повиноваться начальникам. Он амнистировал арестованных большевиков (ошибка, дорого стоившая впоследствии самому Керенскому), призвав их к совместной защите завоеваний революции, и приказал раздать оружие революционному петроградскому пролетариату.

Пока Керенский организовывал и вооружал большевиков, Корнилов бездействовал в Ставке. Ему надо было стать во главе шедшего на Петроград III конного корпуса и лично возглавить спасительную контрреволюцию. Вместо этого он оставался в Могилеве, застигнутый провокацией врасплох. Как пишет Керсновский: “Конница Крымова, шедшая на враз покрасневший Петроград разбросалась от Пскова до Луги, дойдя передовыми своими частями до этого города. Два слова “корниловцы идут!” преобразили весь распущенный тыл Северного фронта. В частях, давно вышедших из повиновения, сама собой и мгновенно воцарилась арапчеевская дисциплина.

К сожалению, генерал Крымов не сумел воспользоваться столь благоприятно складывавшейся обстановкой. Не получая из Ставки никаких указаний, никакой ориентировки, подобно Корнилову ошеломленный неожиданной провокацией правительства, он задержал 29 августа свои войска у Луги, а сам отправился для выяснения обстановки в Петроград. Там он был предательски убит. По одной версии Крымов был застрелен адъютантами Керенского, по другой — застрелился сам. Выяснено только, что

он сразу не был убит и что Керенский запретил перевязку истекавшего кровью генерала. Заступивший его место князь Багратион-Мухранский по приказу Временного правительства отвел III конный корпус в район Псков — Великие Луки. Гидра контрреволюции была побеждена. Армия вновь погрузилась в анархию, чтобы больше из нее не выходить...”

1 сентября Керенский торжественно провозгласил Россию демократической республикой, а себя самого Верховным главнокомандующим её сухопутными и морскими силами. Первым и единственным мероприятием Керенского как Верховного главнокомандующего была расправа с крамольными генералами. Прибывший в Ставку генерал Алексеев именем Керенского арестовал генералов Корнилова и Лукомского. Одновременно были арестованы открыто солидаризировавшиеся с Корниловым главнокомандовавший Юго-Западным фронтом генерал Деникин, его начальник штаба генерал Марков и командовавший Особой армией генерал Эрдели. Арестованные военачальники были заключены в Быховскую тюрьму. Алексееву удалось настоять на охране заключенных преданными Корнилову текинцами. Корнилов и его сподвижники были спасены этим от самосуда озверелой черни.

Глава восемнадцатая

Быховское сидение

1 сентября 1917 года Верховный главнокомандующий, генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, вместе с другими офицерами Ставки был арестован. Был арестован также ряд командующих и начальников штабов.

Победа же Керенского, в конечном итоге оказалась “пирровой”. Своими действиями он расчистил большевикам путь к власти. И, по воспоминаниям тогдашнего английского посла Джорджа Бьюкенена, когда в день большевистского переворота 25 октября “Временное правительство вызвало казаков, последние отказались выступить, так как не могли простить Керенскому того, что после июльского восстания, во время которого многие из их товарищей были убиты, он помешал им раздавить большевиков, а также и того, что он объявил их любимого вождя Корнилова изменником”

А Лавр Георгиевич, находясь под арестом, твёрдо знал – борьба ещё не закончена.

В 1928 году, к 10-летию гибели Корнилова, в рижской газете «Сегодня», появился некролог анонимного автора. С нашей точки зрения он очень точно характеризует личность Лавра Георгиевича и ту роль, которую он мог сыграть в истории России: «...Может быть, из всех русских генералов, Корнилов был тем вождем, который имел все данные для того, чтобы возглавить революцию. Не в том смысле чтобы плыть покорно по ее стихийному течению, а в том, чтобы ввести ее в русло государственности и ослабить ее разрушительный бег. Безграничная смелость, широкая популярность в армии, умение действовать на массы, самоотвержение, глубокая любовь к родному народу, отсутствие партийных шор - все это, как будто предопределяло роль Корнилова - вождя, роль Корнилова, как организатора государственных сил, как противовес революционному хаосу.... Очень многие левые, не исключая и государственно мыслящих социалистов, ждали выступления Корнилова, видели в нем совсем не представителя грядущей реакции, а вождя демократии...».

К сожалению, не случилось.

29 августа постановлением Временного правительства была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования «дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках». Возглавил ее главный военно-морской прокурор И.С. Шабловский, а членами комиссии стали военные юристы полковники Н.П. Украинцев и Р.Р. Раупах, а также следователь по особо важным делам Н.А. Колоколов.

2 сентября комиссия прибывает в Могилев и приступает к допросам “мятежников”. Практически сразу членам комиссии открывается истинная картина августовских событий.

Керенский, однако, лично приехав в Могилёв, вызывает к себе Начальника штаба Западного фронта Алексеева и требует от него немедленно очистить Ставку от контрреволюционных элементов, по сути, провести репрессии. К чести, Алексеева, тот не счел возможным взять на себя такую ответственность и подаёт в отставку. Перед этим он настаивает на назначении своим преемником, генерала Н.Н. Духонина, который не скрывает своих симпатий к Корнилову и его соратникам, и в случае необходимости мог вступить за них.

Вскоре арестованных из Ставки, отправляют в городок Старый Быхов, и размещают в здании бывшей женской гимназии.

Под арестом в Быхове

Группа арестованных генералов и офицеров во главе с Корниловым в период быховского заточения. По номерам: 1. Л. Г. Корнилов. 2. А. И. Деникин. 3. Г. М. Ванновский. 4. И. Г. Эрдели. 5. Е. Ф. Эльснер. 6. А. С. Лукомский. 7. В. Н. Кисляков. 8. И. П. Романовский. 9. С. Л. Марков. 10. М. И. Орлов. 11. Л. Н. Новосильцев. 12. В. М. Пронин. 13. И. Г. Соотс. 14. С. Н. Ряснянский. 15. В. Е. Роженко. 16. А. П. Брагин. 17. И. А. Родионов. 18. Г. Л. Чунихин. 19. В. В. Клецанда. 20. прапорщик С. Ф. Никитин. Осень 1917 года

Следственная комиссия продолжает работу, однако уже через месяц становится ясно, что версия «заговора-мятежа» не подтверждается фактами. Как вспоминал потом один из членов комиссии, служащий Петроградского военно-окружного суда полковник Н. Украинцев, «бывшая в наших руках лента (телеграфная, прим. В.Ф.), это вещественное доказательство, не оставляла сомнений в том, что конный корпус двигался на Петроград с ведома и согласия если и не всего правительства, то его главы, и тем самым рушилось все обвинение против Корнилова; преступление главнокомандующего, как оно представлялось в Петрограде, превращалось в легальное действие, и мы, т.е. комиссия, оказывались в самом нелепом положении».

Комиссия отмечала: «Двоевластие в стране было злом, как в глазах Керенского, так и в глазах Корнилова. Созданная революцией, никаким законом не предусмотренная фактическая власть Советов успешно конкурировала с властью законного правительства Керенского, и потому ликвидация ее была для последнего желательна. Была она желательна и для Корнилова, ввиду безудержной пропаганды Совета против войны, вести и выиграть которую было задачей, поставленной Корнилову. На этой почве и создалось соглашение, с обеих сторон неискреннее и с недоговорками, Корнилова и Керенского о конном корпусе для борьбы с Советами. К этой цели Корнилов шел открыто. Керенский мог идти к этой цели только скрыто. Корнилов торопился, считая, что промедление времени смерти

подобно. Керенского останавливали соображения идеологического характера, желание сохранить чистоту своих революционных риз и практическая необходимость лавировать перед могучим совдепом. По тем же соображениям, Керенскому было бы приятно применить силу только в качестве угрозы. Корнилов, несомненно, предпочитал короткую и грубую (дикая дивизия) расправу. Оба понимали, что, в результате ликвидации Советов, родится диктатура. Корнилов не скрывал, что при данной обстановке естественным диктатором может быть только военачальник. Для Керенского военный диктатор был неприемлем...».

Окончательный вывод, был таков: «Генерал Корнилов не поручал В.Н. Львову требовать, а тем более в ультимативной форме, от Временного правительства передачи ему, генералу Корнилову, всей полноты гражданской и военной власти... а лишь высказал свое мнение (!) по вопросу... о наилучшей реорганизации правительства в целях создания сильной власти, причем настаивал на том, чтобы все конкретные меры в этом направлении были приняты с согласия Временного правительства... Комиссия приходит к заключению, что существование заговора лиц, объединяющихся генералом Корниловым и ставивших своей целью изменение существующего строя и свержение Временного правительства, представляется по делу недоказанным».

Кроме того, в ходе расследования выяснилась провокационная, по существу, роль Львова и совершенно лишённая здравого смысла оценка действий Главковерха со стороны Керенского. Таким образом, ложь Керенского стала явной, и дальнейшая работа комиссии могла привести к серьёзному политическому скандалу, и возможной отставке председателя правительства. Но приход к власти большевиков предотвратил это.

Тем временем, в тюрьме, впрочем, тюрьмой назвать здание женской гимназии можно назвать с большой натяжкой, узники чувствовали себя достаточно вольно. Можно было беспрепятственно прогуливаться во внутреннем дворе или в старом саду. Арестованные, как могли заполняли свободное время - бегали, занимались гимнастикой, играли в городки. Разрешались свидания с родственниками, да и посторонним, с разрешения коменданта вход был открыт. Единственно, не пускали журналистов. Текинцы осуществляли охрану, дабы не допустить возможной расправы со стороны левых элементов. Вечером собирались для бесед и собраний. В результате при активном участии Корнилова (им лично написаны четырнадцать пунктов), была разработана так называемая «Быховская программа» предусматривавшая установление сильной власти, возрождение армии, созыв Учредительного собрания, сохранение демократических завоеваний Февральской революции. Программа эта, стала впоследствии основой «Конституции генерала Корнилова».

25 октября в Петрограде произошёл большевистский переворот и жизнь «Быховских узников» оказалась под страшной угрозой. Генерал Николай Николаевич Духонин, исполнявший обязанности главковерха, понимая всю опасность, нависшую над Корниловым и его товарищами, отдаёт приказ об освобождении арестованных.

Перед Корниловым не вставал вопрос – следует ли продолжить борьбу, стоял другой, - откуда эту борьбу начинать. Первоначально он предполагал уехать в те районы, которые ему были хорошо известны - в Сибирь или Туркестан, тем более, что в Ташкенте его младший брат, полковник Пётр Георгиевич Корнилов возглавлял антибольшевистское подполье. Выбор, однако, пал на юг России, на Дон. Именно туда, в начале ноября из Петрограда и Москвы стали стекаться силы для так называемой «Алексеевской организации», руководимой генералом Михаилом Васильевичем Алексеевым. Туда и решил отправиться Лавр Георгиевич.

Глава девятнадцатая Создание Белой армии

Ночью с 19 на 20 ноября Корнилов, сопровождаемый верными текинцами, покидает место своего заточения. Перед уходом он сжигает бумаги и письма, затем отправляет в Ставку телеграмму: «Сегодня покинул Быхов и отправляюсь на Дон, чтобы там снова начать, хотя бы рядовым бойцом, беспощадную борьбу с поработителями Родины».

Отъезд был весьма своевременным, поскольку уже на следующий день из Петрограда в Могилёв прибыли матросы. Поняв, что Корнилов от них ускользнул, всю “классовую” ярость они выместили на Духонине. Ворвавшись в штабной вагон, “буревестники революции” выволокли генерала наружу и растерзали. Уже с мёртвого стащили сапоги, вытащили часы с бумажником и сняли верхнюю одежду. И всё это в присутствии нового главковерха Крыленко. Опоздай с отъездом Корнилов, думаю, та же судьба ожидала и его.

Генерал Н. Н. Духонин

Путь на Дон оказался нелёгким. Большевикам удалось напасть на след беглецов, и недалеко от городка Унеча, отряд Корнилова был обстрелян бронепоездом. Затем, переправившись через реку Сейм полк попал в болотистую местность и потерял много лошадей. После этого Корнилов, решив, что так будет безопаснее, отпустил текинцев и продолжил путь один. Навыки разведчика пригодились в полной мере. Переодевшись в крестьянскую одежду, с фальшивым паспортом, он, на станции Конотоп садится в эшелон красногвардейцев, на котором добирается до Курска. Здесь пересев в поезд на Новочеркасск, Корнилов, благополучно миновав красногвардейские посты, 6 декабря оказывается в столице Всевеликого Войска Донского.

В Новочеркасске, под руководством генерала Алексеева, уже шло формирование Добровольческой Армии, и Корнилов активно включается в этот процесс. Так, для Лавра Георгиевича начинается Гражданская война.

Вскоре в Новочеркасск приезжают жена и дети Лавра Георгиевича. Семья устраивается в доме войскового старшины Дударева на Ермаковской улице. В город постепенно начинают

стекаться соратники Корнилова. Приезжают представители “Союза офицеров”, приезжают Савинков, Гучков, Родзянко. Постепенно здесь сосредотачивается Корниловский Ударный полк во главе с полковником Неженцевым. Авторитет бывшего Верховного Главнокомандующего огромен, и многие считают, что именно Лавр Георгиевич должен возглавить борьбу с большевиками, встать во главе Белого движения. Однако в этом вопросе большое значение имело и мнение казачьего атамана Каледина и, конечно, основателя Добровольческой армии генерала Алексеева.

А вот отношения между Корниловым и Алексеевым были непростыми. Бывший начальник дипломатического отдела в Ставке, князь Трубецкой, вспоминал об этом, так: “с первых же дней обнаружилось, что между Алексеевым и Корниловым существует острый антагонизм, они взаимно совершенно не переносили друг друга...”. Корнилов не мог простить Алексею “его роли в августовские дни”, считал, что “Алексеев во многом виноват в наших неудачах во время войны, и смотрел на него с тем оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов”. Алексеев же “находил Корнилова опасным сумасбродом, человеком неуравновешенным и непригодным на первые роли”.

Ещё более образно отразил это различие между двумя лидерами, русский общественный и политический деятель П.Б. Струве: “Алексеев – это массивная железная балка-стропило, на которое в упорядоченном строе и строительстве можно возложить огромное бремя и оно легко выдержит это бремя... Корнилов – это стальная и живая пружина, которая, будучи способна к величайшему напряжению, всегда возвращается к прежнему положению, подлинное воплощение героической воли...”

Вожди Белого движения, генералы С.Л. Марков, А. И. Деникин и М.В. Алексеев

К чести генералов антагонизм этот не были замечен для окружающих, на людях они общались вполне корректно, даже дружелюбно.

С атаманом Калединым, соратником Корнилова по Юго-Западному фронту, отношения тоже простыми назвать было никак нельзя. Для Каледина, в отличие от Корнилова и Алексева, общероссийские проблемы отступали на второй план, по

сравнению с внутридонскими. Казачество Дона, на первых порах, не собиралось втягиваться в братоубийственную войну. Это прекрасно описано в гениальном романе Шолохова “Тихий Дон”. Таким образом, создание на Дону сил, ставивших своей целью борьбу с большевиками, не встречало понимания со стороны казаков. Более того, немало донских политиков считало возможным «договориться» с большевиками.

Войсковой атаман А.М. Каледин

Нерешительность и пассивность Каледина раздражала Корнилова, считавшего, что соглашательство с Войсковым Кругом ведёт к гибели, а своим поведением донской атаман рискует повторить судьбу генерала Духонина.

Тем не менее в результате компромисса был создан “триумvirат” Каледин – Корнилов – Алексеев. Каледину делегировалось управление Донской областью, Алексеев ведал внешними сношениями и финансами, а Корнилов был провозглашён командующим Добровольческой армией.

Было создано и правительство - Донской Гражданский Совет. Тем временем красные отряды приближались к Новочеркасску, Добровольческая армия вступила в первые бои, а надежды, возлагавшиеся на Дон, не оправдывались.

Каледину не удалось поднять казаков на “борьбу с большевизмом”. Малочисленная Добровольческая армия осталась в одиночестве, из последних сил сдерживая наступление многократно превосходящей Красной гвардии.

Ежедневно добровольцы теряли десятки и сотни бойцов убитыми и ранеными. В этих условиях Корнилов принимает решение перевести армию в Ростов. Там он рассчитывает пополнить её личный состав, - в Ростове находилось около 17 тысяч офицеров. Но плану этому не суждено было осуществиться. В добровольцы шла штатская молодежь – гимназисты, кадеты, студенты, а вот офицеры и, тем более, солдаты в её ряды не спешили. В Ростов, вместе с армией перебирается и правительство. 15 января 1918 года состоялось последнее совместное заседание “триумvirата” и Совета. Милюков и Алексеев заявили о намерении продолжать борьбу, но уже за пределами Донской области, защищать которую “горсточкой добровольцев” было невозможно. После этого “триумvirат” фактически распался, а 28 января Каледин застрелился.

К началу февраля положение на фронте резко ухудшилось. И Корнилов все больше убеждается в необходимости уйти с Дона.

9 февраля неожиданно был прорван фронт под станицей Гниловской и, из-за угрозы окружения, Белая армия отступила к Ростову, а к вечеру того же дня оставила город. В течение нескольких часов 4,5 тысячи добровольцев организованно отступили за Дон и на следующий день сосредоточились в станице Ольгинской.

Корнилов решает увести армию на Кубань. Так начался легендарный “Ледяной поход”, “Голгофа Белой армии”, последний поход в жизни Лавра Георгиевича.

Вот, что писал в своих воспоминаниях А. И. Деникин: “Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят “светоч”, слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе — те, кто пока еще не проснулись... В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все — в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия — малая числом, оборванная, затравленная, окружённая — как символ гонимой России и русской государственности. На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развеялся трёхцветный национальный флаг — это ставка Корнилова”.

Впереди колонны из 3423 добровольцев, пешим, с солдатским мешком на плечах, шёл сам командующий. Шёл спасать свою честь и свое Отечество.

Ледяной поход. Корнилов. Фрагмент картины А. Николаева

По трескающемуся льду переправились через Дон, и пошли от станицы к станице. Двигались медленно, выслав разведку и организуя обоз, где находилось около 200 раненых, оружие и снаряды. Кроме того, к армии прибилося много штатских: председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, князь Н. Н. Львов, издатели братья Суворины, профессора Донского политехнического института.

В последней донской станице, Егорлыкской, корниловцев встретили приветливо, с блинами и угощением. Дальше начиналось Ставрополье, где армию ждала иная встреча. У села Лежанки Корниловцы были атакованы красным Дербентским полком. Командующий бросает вперёд Офицерский, а с флангов Корниловский и Партизанский полки. Юнкера устанавливают пушки и бьют прямой наводкой. Враг, не выдержав натиска, бежит, бросив артиллерию. Потери белых составили 3 человека, красных – свыше 500.

Наконец армия Корнилова вступила на щедрую землю Кубани. Казалось, самое трудное осталось позади. Богатые, сытые станицы радушно встречали добровольцев хлебом-солью. Но сказка оказалась недолгой, красные, пытаясь уничтожить корниловцев, бросали всё новые и новые отряды, словно волки, откусывая раз за разом куски от редющей армии. И вот на пути Добровольческой армии к Краснодару, на станции Кореновской, встала 14-тысячная армия Сорокина с бронепоездами и большим количеством артиллерии.

4 марта начался неравный бой. Вперёд пошли юнкера и студенческие отряды генерала Боровского. С флангов ударили Офицерский и Корниловский полки. Враг встретил наступающих шквалом огня, и Корнилов бросает в сражение последний резерв — партизан Богаевского и чехословацкий инженерный батальон. Внезапно в тылу показалась красная конница, и командующий передаёт в обоз: “Подготовить пулемёты, использовать всех здоровых и легкораненых. Защищайтесь сами. Помощи не ждите”. Обозники строят из телег укрепления, устанавливают пулемёты и занимают оборону. Корнилов идёт ва-банк. Он лично останавливает дрогнувшие было цепи, а сам с взводом верных текинцев и двумя орудиями обходит станицу и открывает огонь по тылам красных. Начинается общая атака, и враг бежит. Дорога на Екатеринодар (ныне Краснодар) открыта, но тут приходит страшное известие, столица Кубани пала, в город вошли красные.

Глава двадцатая Последний бой

Вернуться назад, в Задонье было уже поздно, и Корнилов решает идти дальше и штурмом взять Екатеринодар. Вопреки ожиданиям красных, он не пошел на город напрямую, а неожиданно повернул армию и вышел к предгорьям Кавказа, в Адыгею. Здесь командующий решил дать отдых измотанной в боях армии. Кроме того Корнилов рассчитывал увеличить её ряды. И эти ожидания оправдались, - 14 марта к Добровольческой армии присоединяется, отступивший от Екатеринодара, трёхтысячный Кубанский правительственный отряд.

Для штурма кубанской столицы, крайне необходимо было пополнить поредевший в боях арсенал. С этой целью конница генерала Эрдели уходит в рейд для захвата кубанских переправ, партизаны Богаевского, с боями берут окрестные станицы, а части генерала Маркова атакуют станцию Афипскую, где стоял 5-тысячный гарнизон красных. Бой был жесточайшим – но станция была взята и арсенал армии пополнился семью сотнями артиллерийских снарядов и десятками тысяч патронов.

27 марта, вновь обманув врага, выйдя не с юга, где их ждали, а запада, армия Корнилова начинает штурм Екатеринодара.

Фрагмент картины художника О.А. Авакяна "Штурм Екатеринодара", из коллекции М.К. Басханова.

Ввиду малых сил, 4-5 тысячам солдат, офицеров и казаков армии Корнилова, противостояло от 8 до 10 тысяч красных, решили брать город с налета, ворвавшись в него на плечах дрогнувшего противника. Других вариантов просто не было.

Корниловский и Партизанский полки с ходу опрокидывают авангард красных. Противник в панике бежит. Но первоначальный успех развить не удалось. Артиллерия осаждённых, не зная недостатка в снарядах, обрушивает на штурмующих безжалостный, непрерывный огонь. Трое суток продолжалось жесточайшее сражение. В бою погибает командир корниловцев полковник Неженцев. Для Корнилова гибель близкого друга стала страшным ударом.

На третьи сутки войска выдохлись, измотанные до последней степени они попросту встали. Боеприпасы практически закончились, а казаки стали возвращаться по домам. Поздно вечером 30 марта состоялся военный совет. Итоги штурма были неутешительны. Огромные потери, как в командном составе, так и среди рядовых. Человеческие силы были на пределе: Марков, уронив голову на плечо Романовского, засыпает прямо во время совещания.

Как впоследствии вспоминал М.П. Богаевский: “настроение духа у всех было подавленное: из докладов Романовского и командиров бригад выяснилось, что потери в частях были значительные, особенно в командном составе... Все части были сильно потрепаны и перемешаны. Часть кубанских казаков, пополнявших полки, расходятся по своим станицам, заметна утечка добровольцев, чего раньше не было... А между тем у большевиков, несмотря на большие потери, силы увеличивались приходом новых подкреплений. Боевых припасов было огромное количество...”.

На повестке дня совещания только один вопрос – что делать?

Командующий, выслушав все мнения, решает - штурм продолжить.

“Отступать большевики не дадут, а без боеприпасов это будет агония”. Корнилов принимает решение дать войскам день отдыха, а 1-го апреля идти в последнюю отчаянную атаку, лично возглавив штурм.

Но осуществиться этим планам, было не суждено.

Глава двадцать первая

Бессмертие

31 марта в 7 часов 20 минут артиллерийский снаряд влетел в комнату, где находился командующий, и, пролетев через нее, разорвался. Взрывной волной Корнилова отбросило к печке, а сверху рухнуло несколько балок перекрытия. Не приходя в сознание, главнокомандующий Добровольческой армии, Лавр Георгиевич Корнилов, скончался.

Антон Иванович Деникин, принявший командование после гибели Корнилова в своих воспоминаниях пишет: “Скрыть смерть командующего Добровольческой армии от личного состава до вечера не удалось. Узнав, люди плакали навзрыд, словно вместе с ним умерла сама идея борьбы, вера в победу, Надежда на спасение. В сердца добровольцев начали закрадываться страх и мучительное сомнение”.

Спустя короткое время по армии был зачитан приказ: “Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 часов 30 минут 31 сего марта убит генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора. Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине...”

Далее у Деникина читаем: “...Смерть вождя нанесла последний удар утомленной нравственно и физически пятидневными боями армии, повергнув ее в отчаяние”.

Дух армии был сломлен, вера в успех потеряна, продолжать штурм в таких условиях, было невозможно, и новый командующий отдаёт приказ об отступлении.

Тела Корнилова и полковника Неженцева уложили на телегу и повезли с собой. Похоронить, просто не успели. Всю ночь и следующий день армия шла без отдыха. Вечером, переправившись через реку Понуру, армия, наконец, остановилась на отдых в селении Гначбау. Адьютант Корнилова Хан Хаджиев предложил похоронить тела здесь же.

2 апреля 1918 года текинцы вырыли могилы, покойных опустили в землю, а место захоронения сравнивали с землёй, сняв предварительно план местности. Через несколько часов после ухода армии из Гначбау туда вступили красные.

Бросившись искать якобы зарытые белыми драгоценности, они наткнулись на свежевскопанную землю. Могилы Корнилова и Неженцева были вскрыты, и в одном из трупов, по генеральским погонам опознали Корнилова. Тело Неженцева было брошено

обратно в могилу, а труп Корнилова, в одной рубашке, прикрытый лишь брезентом, повезли в Екатеринодар.

Мёртвый Корнилов

Нет таких слов, чтобы описать дальнейшие ужасающие события, поэтому обращусь к бесстрастному языку документа. Это выдержки из “Справки Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главном командующем вооруженными силами на Юге России”: “Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось... С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом... Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп... Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела... После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки... Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его... Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами пашек, бросанием на землю... Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти... В один день не удалось окончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растапывали ногами”.

К счастью семья Лавра Георгиевича была вне опасности. В конце января Корнилов отправил жену и детей вместе с корнетом Текинского полка Толстовым на Кавказ, в станцию Черноярскую, где они находились до августа 1918 года. Больше своего мужа и отца они не увидели.

О том, что большевики уничтожили тело в Белой армии не знали. После взятия Екатеринодара Деникиным, 6 августа 1918 года, было решено торжественно перезахоронить Корнилова в усыпальнице кафедрального собора. Однако было обнаружено лишь тело Неженцева. В результате проведенного расследования открылась страшная правда. Семья Лавра Георгиевича была потрясена случившимся. Таисия Владимировна, приехавшая на похороны супруга и надеявшаяся увидеть его хотя бы

мертвым, обвинила Деникина и Алексеева в том, что тело погибшего не вывезли вместе с армией и отказалась присутствовать на панихиде.

У символической могилы Корнилова. 1918 г.

Вдова ненамного пережила мужа. Таисия Владимировна Корнилова скончалась 20 сентября 1918 года. Похоронили её рядом с фермой, где оборвалась жизнь Лавра Георгиевича.

Трагически окончилась жизнь и родных Корнилова. Младший брат, полковник Петр Георгиевич Корнилов, в период антибольшевистского движения в Туркестане руководивший отрядом в Фергане, в один из тайных визитов к семье, проживавшей в Ташкенте в большой нужде, был опознан местным почтальоном и выдан туркестанской ЧК. После пыток и истязаний расстрелян. Сестра Анна, работавшая учительницей в г. Луге в 1926 году, также была расстреляна за, якобы, “антисоветскую агитацию”. На предложение подать прошение о помиловании ответила отказом, заявив, что “готова умереть – как умер брат”.

Эпилог

Время всё расставило по своим местам. Оно как поётся в популярной песне, “раздаёт кому позор, кому бесславье, а кому бессмертие”.

Спустя десятилетия, замечательный поэт Михаил Синельников напишет пронзительные строки, посвящённые Лавру Георгиевичу Корнилову.

Полу-казак, полу-казак,
Истёрты стремяна,
И в узко-пристальных глазах —
Пустынная страна.

Пыль Хоросана, край уйгур,
В солончаках юрга,
Неучастившийся аллюр
Под выстрелом врага.

Афганских рек седой камыш
И гималайский снег,
Кривая тень китайских крыш,
Австрийский плен, побег...

И вот счастливцу и бойцу
Россия вручена!
Но, покоровшись багрецу,
Она красным-красна.

И разомкнулся тесный круг
Текинского полка,
Ушла империя из рук,
Течёт струёй песка.

Летит ядро, визжит оно,
Убитый мир притих...
Свидание предрешено
Родителей моих.
И всё течёт живая ткань,

Обрывки отдаю,
И вечно целится Кубань
В империю мою!

Подпруга стала вдруг слаба,
И, вздрогнув на весу,
На плечи падает судьба,
Как беркут на лису.

А 13 апреля 2013 в Краснодаре был торжественно открыт памятник герою России.

Стоит теперь на берегу Кубани трёхметровая бронзовая фигура человека, в накинутой на плечи солдатской шинели. Человека, любившего Россию больше жизни, так много сделавшему для неё, и погибшего, не изменив ни Совести, ни Долгу, ни Чести.

В заключение хочу выразить огромную благодарность крупнейшему специалисту, биографу Л.Г. Корнилова, доктору исторических наук, Михаилу Казбековичу Басханову, за его неоценимую помощь в работе над этим материалом.

Источники:

1. “Письмо подполковника Л. Г. Корнилова генерал - квартирмейстеру штаба Туркестанского военного округа М. Д. Евреинову о первом этапе его поездки в Индию от 16 декабря 1903 г.”. Российский Государственный Военно-исторический Архив (РГВИА), ф. 1396, оп. 2, д. 1638, л.
2. “Донесение Генерального консула в Бомбее В. О. фон Клемма в Первый департамент от 11 января 1904 г”, Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 927, л. 14-15.
3. “Докладная записка по Главному штабу начальника Азиатского отдела Главного штаба генерал-майора Ф.Н. Васильева от 26 августа 1904 г.”. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3244, л. 3.
4. Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. London, 2000.
5. Байов А.К. Генерал Л.Г. Корнилов и его дивизия Императорской Армии // Часовой. Париж, 1930. № 35.
6. Мои воспоминания / А.А.Брусилов. - М.: РОССПЭН, 2001.
7. Хан Хаджиев о Верховном // Вестник первопоходника. Корниловский сборник. 1968. № 79-80-81. Апрель, май, июнь. С. 23, 54, 61.
8. Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Пг.: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1918.
9. Мартынов Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота". Л., 1927
10. Человек, который спас Корнилова. (О забытых славных подвигах). Статья из журнала «Часовой» №№ 88, 89, 90, 92, Париж, 1932 г.
11. Приказ Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии. 14 мая 1905 года. Ст. Гоцзядянь. № 771.
12. Корнилова А.Г. Мои воспоминания о брате Л.Г. Корнилове. Иртыш. Омск, 1919. № 24-25. С. 20-21.
13. К.К. Звонарев, Агентурная разведка. Том I. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 гг. Издание IV Управления Штаба Раб.-Кр. Армии, Москва, 1929 г.
14. Хан Хаджиев о Верховном. // Вестник первопоходника. Корниловский сборник. 1968. № 79-80-81. Апрель, май, июнь.
15. Письма генерала Л.Г. Корнилова к его сестре А.Г. Корниловой / Иртыш. Омск, 1919. № 41.

16. Из писем Л.Г. Корнилова... // Иртыш. Омск, 1919. № 41. С. 22.
17. Станкевич В.Б. Воспоминания 1914-1919. М., 1994.
18. Долгополов А. Материалы к биографии генерала Л.Г. Корнилова // Вестник первоходника. Корниловский сборник. 1968. № 79-80-81. Апрель, май, июнь.
19. Ряснянский С.Н. Воспоминания о Союзе офицеров и Быхове // Вестник первоходника. Корниловский сборник. 1968. № 79-80-81.
20. Свидетельство генерал-лейтенанта Архангельского // Вестник первоходника. Корниловский сборник. 1968. № 79-80-81. Апрель, май, июнь. С. 73-74.
21. К истории корниловщины // Красная Летопись. 1924. № 1 (10). С. 206.
22. Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд. 1917-1919. Монреаль, 1981. С. 31.
23. Дело генерала Корнилова, Т.2.
24. Савинков Б.В. К делу Корнилова. Париж, 1919.
25. Деникин А.И. Очерки русской смуты. "Наука", 1990 г.
26. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М., 1924.
27. Керенский А. Ф. Потерянная Россия. - М.:ПРОЗАиК,2014
28. Бьюкенен Д. У. Мемуары дипломата. Госвоениздат, 1924.
29. Украинцев Н. Дело Корнилова. Замечания Члена Чрезвычайной Следственной Комиссии // Вестник первоходника. Корниловский сборник, № 79-80-81, апрель, май, июнь 1968 г.
30. Левитов М.Н. Корниловский ударный полк, 1917-1974 гг., Материалы для истории Корниловского ударного полка, Париж, 1974.
31. Дело генерала Л.Г. Корнилова. // т. 1
32. Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд. 1917-1919, Монреаль, 1981
33. Струве П.Б. Patriotica. Россия, Родина, Чужбина, СПб, 2000
34. Богаевский М.П. 1918 год, «Ледяной поход», Нью-Йорк, 1963
35. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты, т. 2
36. Нефедов М. Корнилов и его последняя армия // Донская волна, Ростов на Дону, № 5, 8 июля 1918 г.
37. Глумление большевиков над телом убитого генерала Корнилова. Справка Особой комиссии по расследованию злодеяния большевиков при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России / Красный террор в годы гражданской войны // Ю. Г. Фельштинский.
38. Керсновский. История Русской армии.

